

Светлана Ивановна Селиванова

Русский фольклор. Основные жанры и персонажи

От автора

Статьи издания отражают художественно-поэтический мир русского человека, созданный его предками-славянами, характеризуют законы этого мира, показывают его гармонию и мудрость.

Книга состоит из двух частей. В первой объяснено содержание наиболее распространенных терминов фольклористики, охарактеризованы жанры русского фольклора. Во второй части описываются важнейшие фольклорные персонажи, раскрываются генезис, развитие и причины социально-исторического изменения художественно-поэтических образов популярных в народе святых, исторических лиц, а также представления о доме, природе, семье, жизни.

Каждая статья включает в себя заголовочную единицу – понятие – и его варианты, данные в квадратных скобках. Далее следуют толкование понятия, история его возникновения, назначение, примеры отражения в произведениях художественной литературы и живописи.

Для удобства читателя приведены два указателя – тематический и алфавитный. Тематический указатель перечисляет все части и разделы данного издания и входящие в них понятия. Это дает возможность легко ориентироваться в содержании книги и быстро находить слова по необходимой тематике.

Алфавитный указатель представляет собой список всех имеющихся в издании понятий, расположенных в алфавитном порядке. Для облегчения поиска статьи каждое понятие снабжено индексом. Его первый символ (римская цифра) указывает номер части, в которой помещено слово; второй (арабская цифра) – номер раздела; третий (прописная буква) – подраздел. Например: **Авсень П.2.а**. Индекс отражает классификационную отнесенность понятия.

Часть I

Основные жанры русского фольклора

1. Состав и содержание: общая характеристика

Анекдот – один из жанров фольклора: короткий устный рассказ с остроумной и неожиданной концовкой. Анекдоты можно по праву назвать любимейшим жанром современности. В славянском фольклоре излюбленным персонажем был разыгрывающий односельчан мужик:

– Иван, соври чего-нибудь!

– Да некогда мне! Там воз с мукой через реку перевозили, да перевернули, я бегу, может, чего добуду! (Надо ли говорить, что крестьяне бросили свою работу и побежали на реку, где никакого воза не было и в помине.)

Героем современного анекдота может быть кто угодно – от исторического персонажа до популярного эстрадного певца.

Байка – традиционно мужской устный рассказ шутливого характера, претендующий на правдоподобие; относится к малым фольклорным формам. Популярны байки охотничьи, рыбачьи, морские, шахтерские, театральные и шоферские.

Сомы здоровущие бывают и прячутся в жаркие дни в подводные пещеры. Случайно попадешься к нему, занырнешь или еще чего, в момент налетит, уволокет, сожрет запросто (Байка о сомах-людоедах).

Баллада(балладная песня, балладный стих) – один из жанров русского фольклора, возникший из народной песни трагического содержания. Важнейшие характеристики балладных песен – эпичность, семейно-бытовая тематика, психологический драматизм.

Для балладных песен характерны предсказанный роковой исход, узнавание трагического, одноконфликтность. Как правило, в них действуют антагонистические персонажи: губитель и жертва. Баллады обладают многими признаками, сближающими их с другими песенными жанрами, насыщенными общими для народного эпоса фантастическими и магическими мотивами.

Термин «баллада» в фольклористике сравнительно нов. Предложенный П.В. Киреевским в XIX в., он укоренился лишь столетие спустя. Сам народ, исполняя балладные песни, не отличал их от других.

Примером классической баллады служит лироэпическая песня «Василий и София». Все содержание – вечный сюжет о влюбленных, взаимное чувство которых столь сильно, что побеждает смерть. Возлюбленных губит ревнивая и злая мать Василия:

Во правой руке зелено вино несет,
Во левой руке зелье лютное,
Из правой руки Василью подала,
Из левой руки Софии отдала:
– Пей-ко, София, Василью не давай!..
Василий пил, Софии подносил,
Софиюшка пила, Василью поднесла...
Ко утру-свету преставились...
На Васильевой могилке выростала золота верба,
На Софиинной могилке – кипарисно деревцо.
Корешок с корешком сорастилися,
Прут с прутком совивалися,
Листок со листком солипалися...

Сюжеты многих балладных песен построены на взаимоотношениях девушки и добра молодца («Дмитрий и Домна», «Девушка отравила молодца»). Наиболее древние любовные коллизии баллады связаны с инцестом сестры и брата.

Бывальщина (см. Быличка).

Былина – произведение песенного характера, песня-поэма.

Ей свойственны величие содержания, грандиозность, монументальность образов, героический пафос. Реально-историческая основа былин – Русь X—XI вв. Известно около ста былинных сюжетов.

Русский народный эпос – это не только поэтическое воссоздание жизни, но и отражение исторического сознания народа.

Сегодня известны тексты более трех тысяч былин, но на самом деле их было, безусловно, намного больше. Для изучения мироощущения и мировосприятия человека, жившего в Древней Руси, его идеалов и нравственно-эстетических ценностей научная значимость былин колоссальна.

В русском и западноевропейском эпосе имеются общие сюжеты (эпические герои борются с врагами и иноверцами), но в русских былинах отсутствует идея религиозных войн; ни верность вождю, ни кровавая месть не становятся определяющими темами русского эпоса. В русских былинных традициях – освобождение, защита, прославление земли русской и ее народа.

Открытие русского эпоса состоялось относительно недавно, после опубликования в 1804 г. сборников Кирши Данилова, включающих 60 фольклорных произведений. Впоследствии собрание былин было дополнено находками П.Н. Рыбникова и А.Ф. Гильфердинга.

Наряду с могучими богатырями в них упоминаются и калики перехожие. Они исцеляют и наделяют непобедимой силой Илью Муромца. «Сокрутившись» каликами, богатыри проникают в иноземные города, выходят на бой с врагами. Есть среди былинных героев Калика-богатырь, побивающий силушку, которой «сметы нет», значителен и образ сильного, могучего Иванищо, с которым не решается вступить в бой сам Илья Муромец. Калики в фольклоре не противопоставляются богатырям, а сами являются богатырями, так как в те времена духовный подвиг приравнивался к ратному.

Былины новгородского цикла (о Садко и Василии Буслаеве) по общему своему складу и особенностям сюжетов несколько отличаются от героических. В этих былинах отсутствует характерная для киевского цикла тема борьбы с чужеземными захватчиками и внутренними врагами, нет противостояния богатыря князю или боярам. Былины о Садко и Василии Буслаеве решали нравственную задачу. Идеальный их смысл в том, чтобы показать необыкновенные возможности, которые открываются перед богатырями благодаря их личным качествам. Симпатия героям обеспечивается исключительно за счет совершения ими верного выбора. Так, Садко, несмотря на прямую зависимость от Морского царя, предпочитает совет явившегося к нему с увещанием христианского святого; Василий совершает паломничество в Иерусалим, сожалея, что много убивал и грабил.

Редкостный сплав мудрости и поэтичности отличает русский эпос. Каждая былина помимо главной идеи честного служения Отечеству содержит размышления о мучительных нравственно-психологических исканиях главных героев. Так, Илья Муромец оказывается в ситуации трудного выбора: жениться или умереть.

Добрыня Никитич вынужден примириться с двоюродным братом, пытающимся отбить у него жену. Склонный к неумеренной похвальбе и пьянству Дунай в конце концов жестоко наказан судьбой за самонадеянность: он теряет жену и детей. Сокольник не прощает родителям гражданского (не освященного церковью) брака и безотцовщины. Дочери князя Владимира также безмерно стыдно за недостойные поступки отца-государя. Василий Буслаев не знает, как остановить поток своих злодеяний. Михайло Потык никак не совладает с любовью к изменившей ему жене. Алёша Попович в течение 12 лет упорно ухаживает за женой друга, не в силах справиться со своим чувством. Сложные ситуации нравственного выбора героев можно перечислять бесконечно.

При внимательном чтении видим, что былины чрезвычайно актуальны и ничуть не утратили злободневности: они и сегодня помогают нам прогнозировать последствия своего выбора, напоминая, что великие силы должны быть направлены на решение великих задач.

Образы богатырей воплощены в лучших полотнах замечательных русских художников – М.В. Врубеля («Богатырь», 1898; «Тридцать три богатыря», 1901), В.М. Васнецова («Три богатыря»), Е.А. Лансере («Святослав», «Тройка»).

Вторая симфония известного русского композитора А.П. Бородина называется «Богатырская», Е.И. Фомин создал оперу «Новгородский богатырь Боеславич» (1786); среди популярных музыкальных сочинений А.С. Аренского почетное место занимает «Фантазия на темы сказителя былин И. Рябинина».

Быличка (бывальщина) – мифологический рассказ, основу которого составляют события, якобы имевшие место в реальной жизни. Достоверность, фактографичность этих рассказов подтверждается конкретными именами: «Сосед рассказывал мне историю. Он вообще-то человек несусеверный, грамотный, инвалид Отечественной войны»; точными географическими названиями места действия: «И вот такой же на Приисковой – Александр Картинин жил – он же наш был, ключевской». Если в сказках с их особенным миром, пространством, отлаженной системой персонажей нет места обыденности, то былички, наоборот, не содержат ничего чудесного. Мир быличек прост и хорошо знаком.

Как правило, это деревенский быт, домашняя жизнь, полная забот и трудов. Действующие герои – сами рассказчики или их хорошие знакомые, родственники.

Главное различие между сказкой и быличкой заключается в отношении слушателей и рассказчика к повествуемому. Если сказке внимают, сознавая, что это вымысел, то быличку – так, как будто это правда. Быличка самым естественным образом вплетается в ткань нашей повседневной жизни: кто из нас не сталкивался с «вещими снами» или «сбывшимися» приметами?

Историческими корнями былички уходят в славянскую мифологию: в них отражены древнейшие представления наших предков о множественности хозяев рек, озер, полей и лесов; духов садов и огородов, домов и овинов, бань и амбаров. Далекие от нас предки не могли понять причины различных несчастий или, наоборот, благополучия, везения или неудач. Проще всего было объяснить какое-либо событие влиянием (покровительством или вредительством) власть имущих существ-нелюдей: покойников, русалок, леших, банников, полевых, ведьм и т. д.

Особая ценность быличек заключается в том, что сквозь данные живыми красками образы и явления современного быта проступает густой слой архаических представлений наших предков, распознавание которых – не только полезное для науки, но и увлекательнейшее само по себе занятие.

Детский фольклор – обобщенное название небольших по объему жанров, сочиняемых и исполняемых как самими детьми, так и для них. К жанрам детского фольклора относятся песни и стихи, сопровождающие жизнь ребенка от колыбели до юности:

жеребьевки, заклички, дразнилки, колыбельные песни, пестушки, приговорки, потешки, считалки (см. соответствующие статьи).

Докучная сказка (от *докучать* – надоедать) – специфический жанр фольклорных повествований, бесконечные сказки, в которых совершается один и тот же круговорот событий. Они часто облечены в стихотворную форму:

Жила-была бабка возле самой речки,
Захотелось бабке искупаться в речке,
Купила бабка мыло, купила мочало,
Эта сказка без конца, начинай сначала!

Жила-была бабка...

В те времена, когда сказителей слушали коллективно, докучные сказки выполняли важную организующую роль: привлекали внимание, собирали слушателей, позволяя им уютнее устроиться в ожидании главного повествования: «Жил-был царь, у царя был двор, на дворе был кол, на колу мочало, не начать ли сказку сначала». Шутливое повторение действия докучной сказки создает ощущение непрерывности, постоянства и неизменности жизненных явлений: «Летел гусь, сел на дорогу, упал в воду. Мок-мок, кис-кис – вымок, выкис, вылез – сел на дорогу и опять упал в воду. Мок-мок, кис-кис, вымок, выкис, вылез...».

В докучной сказке события беспрерывно крутятся, как в киноленте, «стирая» ужас реальных событий, демонстрируя, как легко страшное превращается в смешное:

У попа была собака.
Он ее любил.
Она съела кусок мяса.
Он ее убил.
И в землю закопал,
И надпись написал:
«У попа была собака...»

Что докучает, то и научает (*пословица*) – вот универсальная формула понимания и объяснения простых истин.

Известный фразеологизм «сказка про белого бычка» восходит к аналогичной сказке – «приставалке», корни которой уходят в далекое прошлое и связаны с культом белого быка (воплощение Зевса в эллинской мифологии, Аписа – в египетской и др.), чей образ обозначал благоденствие и процветание.

Выражение «сказка про белого бычка» – символ бессмысленности желаний, ибо настоящая сказка (то самое благоденствие) никогда не будет не только завершена, но даже и начата:

- Рассказать тебе сказку про белого бычка?
- Расскажи!
- Тебе «расскажи», мне «расскажи».
- А рассказать тебе сказку про белого бычка?
- Давай!
- Тебе «давай!», мне «давай!»
- А рассказать тебе сказку про белого бычка?
- Не надо.
- Тебе «не надо», мне «не надо».
- А рассказать тебе сказку про белого бычка?

– Отстань.

– Тебе «отстань», мне «отстань».

Старинный народный жанр любим и современными поэтами:

Шли из Африки в Саратов
Семь отчаянных пиратов.
Не дошли до Душанбе —
Видят надпись на столбе:
«Шли из Африки в Саратов
Семь отчаянных пиратов.
Не дошли до Душанбе —
Видят надпись на столбе:
„Шли из Африки“...»

(Б.В. Заходер).

Из современной русской литературы

Все художественные произведения, кроме частично или полностью утраченных, имеют начало и конец. Исключение составляет «Сказка про Беленького бычка», имеющая начало, но не имеющая конца. Именно «Сказка про Беленького бычка», пропитанная народной мудростью от первого до последнего слова, подсказывает, как найти конец в истории, длящейся бесконечно: конец – это та точка истории, когда все начинается с начала!

(М. Кураев. Путешествие из Ленинграда в Санкт-Петербург).

Духовные стихи – песни религиозного содержания, возникшие как поэтические переложения народом основ христианского вероучения. Народные названия духовных стихов: старины, псалмы, стихи. Характерная особенность духовных стихов – противопоставление религиозного мирскому. Один из древнейших духовных стихов – «Плач Адама» был известен уже в XII в.

Массовое же распространение духовных стихов начинается примерно с XV в.

Жеребьевка – (см. Детский фольклор).

Жнивная песня – разновидность осенних песен календарно-обрядовой поэзии. Осенняя обрядовая поэзия не получила такого развития, как летняя (см. **Троицко-семицкие, Купальские песни**), воспевающая проворных женщин – «дочерей-лебедок», «невесток-перепелок», раненько выходивших на ниву и убирающих урожай, «чтобы было с чего жиги добренько, ладненько»:

Ох, и слава Богу,
Что жито пожали,
Что жито пожали
И в копны поклали,
На гумне стогами,
В клетки закромами,
А в печи с пирогами.

Загадка – вид устного народного творчества, замысловатое иносказательное описание предмета или явления, предлагаемое как испытание на сообразительность или упражнение (детям) на развитие логического мышления.

Загадка принадлежит к тем древнейшим видам народного творчества, которые, продолжая жить в веках, постепенно утрачивают свое первоначальное значение, становятся качественно иным явлением. Возникнув на основе тайного языка рода, когда-то загадка использовалась в военных и посольских переговорах, выражала запреты семейного обихода, служила поэтическим средством передачи мудрости.

Еще в XIX в. существовали запреты на загадывание загадок в неурочное время, а именно летом или днем. Это, по представлениям крестьян, могло навлечь неурожай или падеж скота. Загадки разрешалось загадывать зимой, во время святок (в праздничные дни между рождеством и крещением), чтобы «зазвать» плодородие в наступающем году. В такие зимние вечера старшие поколения в форме загадок передавали молодым свой бесценный опыт, обретенные знания. Многие загадки выделились из колядок и представляли собой вопросы, на которые тут же давались ответы: «Чаще лесу... часты звезды»; «Краше свету... красно солнце». Весьма популярны были и загадки типа: «Что всего на свете быстрее? – Мысль»; «Что всего жирнее? – Земля». Такие загадки рождались на специальных «состязательных» вечерах, когда у собравшихся шло как бы соревнование в мастерстве, остроумии, сообразительности; иногда их загадывали в процессе игры: участники называли свои города и за каждую неразгаданную загадку «сдавали» один город.

По мере «взросления» народа загадка превращалась в забаву, преследующую воспитательные и познавательные цели. Русские загадки чрезвычайно остроумны и разнообразны, охватывают все стороны жизни человека:

Золотой мост на семь верст (*Луч*).

Кругом вода, а с питьем беда (*Море*).

Красна, да не девка, зелена, да не дубрава (*Морковь*).

Весной веселит,
Летом холодит,
Осенью питает,
Зимой согревает.

(*Дерево*).

Два братца хотят подраться,
Да друг друга достать не могут.

(*Ведра на коромысле*).

В одной бочке
Два разных пива:
Болтаются —
Не смешаются.

(*Яйцо*).

Красная девица
Росла в темнице.
Люди в руки брали,
Косу отрывали.

(Морковь).

Заговор – языковая формула, обладающая, согласно народным представлениям, чудодейственной силой.

В древности заговоры широко использовались во врачебной практике (лечение словом, молитвой). Им приписывалась способность вызвать желаемое состояние человека (навеять крепкий сон, укротить гнев рассерженной матушки, сохранить невредимым того, кто отправляется на войну, проникнуться симпатией к кому-либо, чему-либо и т. д.) или сил природы: «расти репка, сладка, расти, репка, крепка», чтобы получить хороший урожай.

В заговорах выражалось стремление повторить в практической деятельности человека те процессы, которые производятся на небе неземными силами (А.Н. Веселовский): «На море, на океане, на острове Буяне лежит бел-горюч камень Алатырь, на том камне Алатыре сидит красная девица, швея-мастерица, держит иглу булатную, вдевает нитку шелковую, рудожелтую, зашивает раны кровавые. Заговариваю я раба (имя) от порезу. Булат, прочь отстань, а ты, кровь, течь перестань».

Необъяснимая, необоснованная, но и неустранимая вера в заговорное слово жива по сей день. Например, люди, изнемогающие от зубной боли или от безответной любви, и сегодня иногда прибегают к помощи знахарей.

Календарно-обрядовые песни (см. **Колядки, Подблюдные песни, Масленичные песни, Веснянки, Троицко-семицкие песни, Хороводные, Купальские, Жнивные**) – песни, исполнение которых приурочивалось к строго определенным календарным датам.

С различными состояниями природы связаны наиболее значительные обряды и песни летнего периода, начинавшегося с солнцеворота (Петр-поворот) 12 (25) июня.

В календарно-обрядовой поэзии содержится ценная этнографическая и историческая информация: описание крестьянского быта, нравов, обычаев, наблюдения за природой и даже элементы мировоззрения.

Легенда – один из жанров фольклора, повествующий о чудесном, фантастическом, что и определяет его структуру и систему образов. Один из путей возникновения легенды – трансформация предания.

Зачастую легендами называют устные рассказы об исторических лицах или о событиях, которым приписывается абсолютная достоверность (легенды об основании Киева). В этих случаях слово «легенда» может быть заменено словом «предание». Рассказчик, излагая факты, дополняет их созданными собственным воображением или соединяет их с известными ему вымышленными мотивами. При этом реальная основа часто уходит на второй план.

По тематике легенды делятся на исторические (о Степане Разине), религиозные (об Иисусе Христе и его апостолах, о святых, о кознях дьявола), топонимические (о Байкале), демонологические (о Змее, злых духах, чертях и пр.), бытовые (о грешниках).

Сюжет народной легенды об атамане Кудеяре использован Н.А. Некрасовым в поэме «Кому на Руси жить хорошо»:

Было двенадцать разбойников,
Был Кудеяр-атаман,

Много разбойники пролили
Крови честных христиан.

Много богатства награбили,
Жили в дремучем лесу.
Вождь Кудеяр из-под Киева
Вывез девицу-красу.

Днем с полюбовницей тешился,
Ночью набеги творил,
Вдруг у разбойника лютого
Совесьть Господь пробудил...

Совесьть злодея осилила,
Шайку свою распустил,
Роздал на церкви имущество,
Нож под ракитой зарыл...

Малые жанры – название, объединяющее группу разных по характеру и по происхождению жанров русского фольклора, исключительно малых размеров (подчас в два слова: **Филя-простофиля**), в чем и заключается их главная ценность. Кто из нас не любит покопаться в пестром ворохе русских потешек, загадок, пословиц и анекдотов?

Несмотря на скромные внешние параметры, малые жанры необыкновенно глубоки по внутреннему содержанию, являясь своеобразной квинтэссенцией народной мудрости, иные из них способны заместить собою довольно объемные устные рассказы.

Так, **пословица** «Не любо – не слушай, а врать не мешай» вынесена в заголовок сказки.

Благодаря уникальной компактности малые жанры щедро рассыпаны по более «громоздким» текстам. Древние сказители таким образом привлекали внимание слушателей к какой-либо особо важной мысли (так, в былине «Добрыня и змей», в сказках «Василиса Прекрасная», «Морской царь и Василиса Премудрая» трижды повторяется пословица «утро вечера мудренее»), оживляли однообразное течение повествования, превращая его в театральное действие.

В сказках, былинах и балладах мы встречаем **приговоры-заклинания**: «Расти, расти, репка, сладка! Расти, расти, репка, крепка!» («Репка»), элементы **колыбельных песен**: «Спи, глазок, спи, другой!» («Крошечка-хаврошечка»), «Баю-баю, сестрица-ластухка!» («Разбойники и сестра». *Баллада*), **заклички**:

Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Масляна головушка,
Шелкова бородушка,
Выгляни в окошко,
Дам тебе горошка!

Поют многие и многие персонажи. Потешает Колобок: «Я по коробам метен, по сусекам скребен, в сыром масле пряхон...» («Колобок». Сказка), кличет Коза: «Козлятушки, детятушки!

Отопритесь, отворитесь... Ваша мать пришла, молока принесла...» («Волк и семеро козлят». Сказка), причитает Уточка: «Кря, кря, мои деточки, кря, кря, голубяточки! Я нуждой вас выхаживала, я слезой вас выпаивала...» («Белая уточка». Сказка), плачет несчастный Иванушка: «Сестрица моя, Аленушка, выплынь, выплынь на бережок, котлы кипят кипучие, костры горят горячие...».

Довольно широко распространены **заговоры**:

Илья Муромец по кораблю похаживает,
Свой тугой лук принагивает,
Калену стрелу принакладывает,
Да и сам стреле приговаривает:
«Полети-ка моя каленая стрела,
Высоко-далеко по поднебесью
Белой лебедью.
Не пади ты ни в воду, ни на землю,
Попади ты, калена стрела,
Под турецкий град, во зеленый сад,
На бел шатер, во дубовый стол,
Со дубового стола к самому хану,
На его груди белые,
Вынимай у него ретиво сердце,
Ретиво сердце и со печенью...»

(«Илья Муромец на Соколе-корабле». Былина).

О распространенности **загадок** говорить не приходится. Редкое повествование, связанное с добычей невесты или состязанием богатыря/бедняка/солдата с невестой/баринном/чертом обходится без включения в текст любимого жанра:

– О чем ты, батюшка, вздыхаешь да слезы ронишь?

– Как же мне не вздыхать, как слез не ронить? Задал мне царь четыре загадки, которых мне и в жизнь не разгадать.

– Скажи мне, какие загадки?

– А вот какие, дочка: что всего на свете сильней и быстрее, что всего жирнее, что всего мягче и что всего милее?

– Слушай, батюшка, и скажи царю: сильней и быстрее всего ветер, жирнее всего земля: что ни растет, что ни живет, – земля все питает! Мягче всего рука: на что человек ни ляжет, а все руку под голову кладет, а милее сна нет ничего на свете!

(«Мудрая дева». Сказка).

Малые жанры не только украшают и оживляют другие тексты, они очень хорошо приспособлены и к самостоятельной жизни. В отличие от былинного эпоса, малые жанры не

забываются, актуальны, как тысячи лет назад. Они сопровождают нашу жизнь с первых дней, когда мы слышим, еще ничего не сознавая:

Потягунюшки, порастунюшки!
Роток говорунюшки!
Ручки хватунюшки! —

и до последних, когда, отягощенные знаниями, мы грустно подводим итоги: жизнь прожить — не поле перейти.

Небылицы – произведения комической поэзии, небольшие по объему песенки, построенные по принципу нанизывания совершенно абсурдных событий:

Гром по небу прокатился:
Комар с дерева свалился.

Или:

Ехала деревня мимо мужика,
Вдруг из-под воротни лают ворота...

Именно небылицы наглядно демонстрируют обратную, страшную сторону смешного. Цепь искаженных событий, кажущихся поначалу смешными, постепенно создает единую картину «сдвинутого», «перевернувшегося» мира, где «сын на матери все снопы возил... родну матенку-то попонюгивал, попонюгивал, да сам подстегивал», и картина становится апокалиптической, невозможной.

Небылицы не менее философичны, чем эпос. Они, как и глобальная метафора смеха, – тоже способ познания жизни: в наглядной простоте демонстрируют нам вселенскую связь противоположных, «изнаночных» явлений действительности.

В средневековой Руси исполнение небылиц непременно являлось составной частью «репертуара» скоморохов (см. Скоморошины).

Небылицы исполнялись с приплясом под скоморошьи гудки – своеобразные трехструнные скрипки, которые гудопшики держали на коленях. «Небылица про щуку из Белого озера» и «Небылица про льдину» – самые популярные, в них помимо традиционных образов большое значение имеет местный колорит. Это северные, поморские небылицы – ироничные изображения царских «почесных пиров», где гости «пировали-столовали тут челы суточки, кабы вси-то тут ягодицей наедались» (речь идет об одной ягодице – щеке большой щуки, которую везли к царю на трех лошадях).

Небылицы-переделки чрезвычайно популярны в современном школьном фольклоре:

У Лукоморья дуб срубили,
Кота на мясо разрубили...

Русалку в бочке посолили...

Или:

- Откуда костышки?
- Из леса, вестимо,
- Отца, слышишь, рубят, а я отвожу...

И неизвестно, чего больше в сегодняшних детских безымянных строчках – страха, смеха над собственным страхом или привыкания к страху и низведения его к обыденному. Поиск ответа на этот вопрос станет основой отдельного серьезного исследования.

Песня – одна из форм вокальной музыки, широко распространенная в народном творчестве и в быту.

Народные песни – подлинная художественная энциклопедия жизни русского народа.

На сегодняшний день песенный, самый богатый пласт русского фольклора, описан неполно и противоречиво. Достаточно условно жанровое деление песен на исторические и балладные, разбойничьи и солдатские, лирические и хороводные. Все они – образец тончайшей лирики и все без исключения историчны.

Притягательные чистотой и искренностью, песни глубоко раскрывают характер русского человека, который дорожит своим отечеством: «За Россиюшку стояли, за прекрасную Москву...»; для которого неоспорима высокая ценность любви: «Лучше в Волге быть утопимому, чем на свете жить нелюбимому...»; который не устает любоваться родным краем («По лугу, лугу вода со льдом, по зеленому золоту струя струит»; «Растет растет травонька, все цветы цветут, цветут, цветут цветики, все алеются, зеленая травонька зеленеется...») и своим детьми:

...душечка, красна девица,
Чернобровая, радость, черноглазая,
Круглолицая, радость, белолицая,
СО-тонка ли ты ростом высокая!..
Ты своей сушишь девьей красотой,
Девьей красотой, грудью белою,
Грудью белою, трубчатой косой,
Трубчатой косой, лентой алою...

Богатейший поэтический источник видел в русских народных песнях А.С. Пушкин, создавая на их основе самостоятельные произведения. Великий поэт России отмечал широчайшую амплитуду эмоциональной нагрузки русских песен: «то разгулье удалое, то сердечная тоска».

Песенная поэзия была колыбелью творчества всемирно известного композитора П.И. Чайковского, который с детства проникся неизъяснимой красотой характерных черт русской народной музыки. Сокровища русских песен были для Чайковского, по его собственному признанию, художественной святыней.

Песенное творчество русского народа невозможно отразить во всей полноте, ибо невозможно составить полный «реестр» тех достоинств, которые таят в себе народные песни.

Поговорка – широко распространенное выражение, образно определяющее какое-либо жизненное явление или дающее ему оценку:

Овсяная каша хвалилась, что с маслом родилась.

И готово, да бестолково.

Счастье придет и на печи найдет.

Блин не клин, брюха не расколется.

Где умному горе, дураку веселье.

Из русской литературы

Что за роскошь, что за смысл, какой толк в каждой поговорке нашей! Что за золото!

(А. С. Пушкин. Из частной переписки).

Пословица – краткое, меткое, устойчивое в речевом обиходе изречение. По сравнению с поговоркой – остроумной характеристикой, данной человеку, предмету или явлению и украшающей речь, пословица имеет законченный глубокий смысл, содержит мудрое обобщение. Поговорка, по определению народа, – «цветочек», пословица – «ягодка». В пословицах запечатлен жизненный опыт народа:

Люди ссорятся, а воеводы кормятся.

Игумен за чарку, братья за ковши.

Малы детушки, что часты звездочки: и светят, и радуют в темную ноченьку.

Алтынного вора вешают, полтинного чествуют.

Житье сиротам, что гороху на дороге: кто мимо пройдет, тот и урвет.

В народе, что в туче: в грозу все наружу выйдет.

Француз боек, да русский стоек.

Один и у каши сирота.

Материнская молитва со дна моря вынимает.

Первым начал собирать и записывать пословицы знаменитый русский ученый и поэт М.В. Ломоносов. Впоследствии были изданы сборники, содержащие по 4—9 тыс. пословиц: «Собрание древних российских пословиц» (Московский университет, 4291 пословица), «Полное собрание русских пословиц и поговорок» (Ц.М. Княжевич, 5365 пословиц), «Русские народные пословицы и притчи» (И.М. Снегирев, 9623 пословицы и изречения), в известном сборнике В.И. Даля «Пословицы русского народа» их более 30 тыс.

Предание – художественно-повествовательный жанр фольклора с элементами вымысла. В основу сюжета предания, как правило, положено реальное событие. Ярким примером устных повествований этого типа являются предания о сыне тульского кузнеца Демида Антуфьева Никите Демидове – основателе крупнейших заводов Урала в первые десятилетия XVIII в.

Возможно, Демид Клементьевич, согласно преданию, действительно пришел в Тулу из села Новое Павшино Тульской области и первоначально не имел в Туле собственного дела. Но роль чуда в судьбе Демидова сыграла встреча с Петром I, несколько раз проездом посетившим Тулу в 1695—1696 гг. Несмотря на то, что эта встреча и приезды царя в оружейную столицу России не зафиксированы документально, нет оснований отвергать возможность этих событий, память о которых сохранила история рода.

Сказ – устный народный рассказ, без вымысла повествующий о прошлом: казачьи и сибирские сказы, «рабочая» проза золотоискателей, мастеровых, шахтеров и т. п. По стилю повествования и структуре сказы похожи на предания и легенды.

Часто за народные повествования принимают *сказы авторские*, истоком которых, несомненно, является фольклор, но они представляют собой самостоятельный литературный жанр (сказы Н.С. Лескова, П.П. Бажова).

Сказка – один из основных прозаических фольклорных жанров художественно-фантастического характера.

Когда-то, десятки тысяч лет назад, ближайшим окружением человека были звери и птицы, в поведении которых, привычках и повадках он находил свои собственные слабости, пороки и добродетели. Жизнь и поведение животных человек соотносил с различными атмосферными явлениями, объясняя смену погоды, шум ветра и завывания бури борьбой небесных существ, напоминающих знакомых ему животных, ставших символическими выражениями явлений природы. Так, летящие стаи птиц, развевающиеся волосы ведьм, гривы коней олицетворяли ветры. Лютые хищники, целиком заглатывающие добычу, стали символом злых туч, поглощающих солнце; Кощей Бессмертный, скупой страж несметных сокровищ и похититель нежных красавиц, представляющих метафору лета, тепла, солнышка, от одного взгляда которого все костенеет, цепенеет, не что иное, как персонификация зимнего холода.

Для древнего человека нет никакой пропасти между ним и животным миром. Он рассматривает животных прежде всего как существа, равные ему не только физически, но и социально. Окружающий мир для человека населен просто разными племенами с таким же социальным устройством, как у него, и отношение к этим племенам то мирное, то враждебное, смотря как проявляется отношение самих животных к нему. И наши предки принимали исключительные инстинкты животных за проявление высшего разума, считая некоторых не только равными себе, но и превосходящими его самого (Л.Я. Штернберг, 1936).

Древние славяне находили у себя черты медведя, другие племена отмечали сходные со своими черты иных животных, например сарацины находили у себя сходство с вепрем, румыны – с выдрой, турки – со змеем, литвины – с туром.

Сказки о животных органично сочетают в себе другие сюжеты (бытовые и волшебные), и порой границу между жанрами провести вовсе невозможно. Мифопоэтические представления о природе, выражающие при помощи образов животных и птиц определенное познание мира, переплетаются в сказках с живыми наблюдениями за звериными повадками, являют постепенно крепнущий дух соперничества между человеком и животным, отстаивание своих прав на жизнь, борьбу за добычу и территорию.

Бытовые сказки и сказки о животных отличают необычайный оптимизм и мягкий юмор, пронизывающий повествование.

По мере того как человек становился сильнее и увереннее в себе, фольклорные образы животных приобретали другую, более «снисходительную» окраску: волк из злодея превращался просто в глупца («битый небитого везет»), грозный медведь, тотемное животное, наделялся добродушием: велела Машенька отнести старикам гостинцев – он и понес.

Для других сказок, **бытовых (новеллистических)**, характерно противостояние социальных героев: мужик (его сын или дочь) тягается умом и сообразительностью с купцами, попами, а то и с самим царем. Большое внимание уделяется семейным конфликтам с неверной, болтливой или «задорной» женой, с младшим братом (сыном) дураком, которому неизменно сопутствует удача («дуракам счастье»), несмотря на природную глупость.

Особую группу составляют **сказки о черте**, уступающем мужику в любых состязаниях, гораздо более простодушном и бесхитростном, чем сам мужик, который с легкостью осваивает небесное (подземное) царство, где, не стесняясь высоким соседством, ставит трактир, преследуя и получая лишь свою выгоду.

Антропоморфизм русской природы в фольклорных произведениях касается не только Матери Сырой Земли (см. **Мать Сыра Земля**), но и деревьев, в первую очередь дуба и березы, способных разговаривать, давать советы и прогнозировать дальнейшее течение событий. Деревья в сказках – верные друзья и помощники человека, они укрывают от врагов, дарят волшебные предметы, открывают клады и тайны, вознаграждая героев за труд и терпение.

Фольклор принято отождествлять с народной традиционной крестьянской культурой. Не отвергая общепринятого мнения, необходимо прояснить несколько моментов, позволяющих на стадии появления фиксированных культурных текстов проследить особенности семантики древнерусского языка.

Согласно исследованиям (И.И. Бахтин, 1982), первая запись русской сказки появилась примерно 470 лет назад при следующих обстоятельствах. В 1525 г. царь Василий Иванович отправил посольство в Рим к папе Клименту VII. Среди русских послов был образованнейший, знавший несколько иностранных языков князь Дмитрий Герасимов.

Итальянский историк Павел Иовий Новокомский написал исследование о России, во многом основанное на блестящих рассказах Герасимова, где и была найдена первая запись русской сказки «О поселянине и медведице». Сказка содержала историю о провалившемся в дупло, желающем полакомиться медом селянине, который выбрался из западни, где просидел трое суток, благодаря наведавшейся туда медведице. Сказка была, согласно этикету тех времен, рассказана на латинском языке, а затем переведена на русский.

Следует отметить, что в сказочных повествованиях слово «*русский*» употребляется только применительно к «духу», которым наполнены герои. Названия «Русь», «Россия» или просто «русская земля» не встречаются вообще, речь идет об условных «некоторых» или «тридевятих» царствах.

Герой легко переходит из одного царства в другое и часто становится царем не там, где родился и вырос. Другими словами, в сказках отражена Русь периода феодальной раздробленности, когда каждый город (ср. *городить*, *огородиться*) был княжеством (царством).

Иностранные же государства называются заморскими (заморские вина, заморская царевна).

Сказки практически не содержат представлений о родине, идеи патриотизма, поскольку возникли так давно, что и родины-то, государства не было.

В былинах же не только упоминается государство наряду с Киевом («матерью городов русских»), но и все герои являются яркими защитниками государства *Русь*. Былины пронизаны идеями патриотизма, ибо возникли позднее сказок.

Таким образом, сказки отражают жизнь и представления разноплеменных обитателей (территории, ставшей впоследствии русской) на этапе возникновения и распада первобытнообщинного строя. И сказки о животных, и легенды, связанные с верой в духов природы и растений, а также обрядовые песни и детский фольклор характерны для тотемических обществ, естественных для этого этапа языческих отношений человека с миром.

Из народных сказок выросла лучшая русская литература – творчество А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, С.Т. Аксакова, П.П. Бажова.

Известный русский композитор Н.А. Римский-Корсаков написал кантату «Сказка» (1880); наш современник, талантливый композитор Н.Н. Сидельников создал концерт для 12 солистов «Русские сказки». Вековая поэтичность фольклорных образов запечатлена в русской поэзии:

...Ветхую шубенку
Скинешь с плеч долой;
Заберешься на печь
К бабушке седой...

И начну у бабки
Сказки я просить;
И начнет мне бабка
Сказку говорить:

Как Иван-царевич
Птицу-жар поймал,
Как ему невесту
Серый волк достал...

И во сне мне снятся
Чудные края.
И Иван-царевич —
Это будто я.

Вот передо мною
Чудный сад цветет;
В том саду большое
Дерево растет.

Золотая клетка
На сучке висит;
В этой клетке птица
Точно жар горит...

(И.З. Суриков. Детство).

Скоморошины – разнохарактерные песни озорного искусства скоморохов: шутовые старинные (былины – пародии), пародийные баллады, песни-новеллы комического содержания, небылицы.

Объединяет их одно – смех. Если в классических жанрах русского фольклора смех является лишь элементом содержания, то для скоморошин он служит организующим художественным началом.

Искусство скоморохов, распространенное в XI—XVII вв., было разнообразным. Скоморохи исполняли драматические сценки, героические песни, играли на музыкальных инструментах, рассказывали сказки, показывали дрессированных животных, выступали как акробаты. Их искусство требовало почти профессионального мастерства: «всяк спляшет, да не как скоморох» (пословица). Наиболее интересным и важным в искусстве скоморохов был *глум* – насмешка, сатира, направленная против неприглядностей народного быта, а также феодального правления.

Известно, что скоморохи веселили царей Ивана IV и Алексея Михайловича, а некоторые из них были взяты в придворный штат.

До XVI в. сведения о скоморохах отрывочны, разрозненны и свидетельствуют лишь о преследовании Церковью, которая называла их служителями дьявола, а их искусство – сатанинским:

«Скоморошья потеха сатане в утеху» (пословица). С XVI в. скоморохи причисляются к ремесленникам, селятся особыми деревнями (село Скоморохово), слободками в городах или, образуя ватаги (артели), бродят в поисках заработка.

В 1648 г. по указу царя Алексея Михайловича представления скоморохов были запрещены. Указом предписывалось: «Не петь в домах, на улицах и в полях песен, не плясать, в хороводы не играть и игр не слушать, загадок не загадывать, „небылых“ сказок не сказывать, платье скоморошеское не надевать, в карты и шахматы не играть, на качелях не качаться, медведей не водить, с собаками не плясать, на гусях, бубнах, домрах, волынках, гудках не играть».

Музыкальные инструменты скоморохов (гудки, дудки, сопелки и сопели разного рода, бубны, трещотки, варганы) отнимали, сжигали или ломали. Ослушников публично били батогами, кнутом и ссылали.

Была и другая причина исчезновения скоморохов: культура России развивалась, потребности зрителей росли, поэтому шутки скоморохов уже не удовлетворяли изменившимся вкусам населения.

Типичными образцами скомороший являются песни «Вавило и скоморохи», «Гость Терентище», «Чурила в гостях у чужой жены», где бытовые ситуации принимают форму анекдота, дополняясь нескромными подробностями.

Эффект смешного иногда достигался путем пародирования стиля высокого эпоса – приемы, служившие величественному изображению богатырей и их подвигов, использовались для отображения обыденной жизни: старец Игренище из монастыря Боголюбова, собирая милостыню, повстречал девушку, «рад девушке-чернавушке, ухватил девушку-чернавушку, посадил в мешок»; монахиня Стафида Давыдьевна «тонцы водит» да пьет «винца-водки добрыя».

Замечательными произведениями комической поэзии являются излюбленные скоморохами **небылицы** (см. **Небылицы**) – небольшие по объему песенки, построенные по принципу нанизывания совершенно абсурдных событий:

По синю морю да жернова несе,
А по чисту полю да все корабль бежит,
По поднебесью да все медведь летит,
На ели корова да белку лаяла,
Белку лаяла да ноги ширила.
В осеку свинья да все гнездо свила...

Со временем, ближе к XVII в., веселое и дерзко-обличительное искусство скоморохов стало забываться.

Скороговорки – шуточный жанр народного творчества, относящийся к разряду малых, фраза, построенная на сочетании звуков, которые затрудняют быстрое произнесение слов. В.И. Даль называет скороговорку – «чАстоговоркой», «чИстоговоркой», что вполне отражает ее суть: произнести быстро и чисто сложное по звуковому оформлению высказывание.

Скороговорки использовались в народе как обучающее средство при формировании детской речи, ее развитии и последующем становлении, а также для развлекательных целей:

Стоит копна с подприкопеночком.

На дворе трава, на траве дрова, не руби дрова посреди двора!

Сшит колпак, вязан колпак, да не по-колпаковски, переколпаковать бы колпак, да не переколпаковывается.

Два дровосека, два дровокола, два дроворуба, говорили про Ларю, про Ларьку, про Ларину жену.

Частушка(от *частый*) – короткая, обычно рифмованная песенка юмористического или сатирического содержания. Частушки исполняются в веселом задорном темпе в сопровождении гармони:

Меня милый провожал
Елками да елками,
Все сердечко исколол
Тонкими иголками.

Ты зачем же завлекала,
Когда я тебе не мил?
Ты бы с осени сказала,
Я бы зиму не ходил.

Фольклорные частушки послужили основой для возникновения жанра литературной частушки, встречаются в творчестве поэтов Д. Бедного, А.А. Прокофьева.

2. Календарно-обрядовая поэзия

Авсеньевые песни(см. **Авсень**).

Веснянка – песня, призывающая весну и тепло. Веснянки звучали в русских селах вслед за масленичными песнями. Они напоминали, что приближается пора полевых работ, летят птицы и «несут весну». Основные даты кликанья (см. **Заклички**) весны:

– 4 марта – день Герасима Грачевника (грачи прилетают);

– 9 марта – день Сорока Мучеников (сорок сороков птиц прилетают);

– 25 марта – 7 апреля по новому стилю – Благовещение (день, когда птиц из клеток выпускают на волю).

В день Сорока Мучеников славяне пекли обрядовое печенье – «жаворонки». Дети, взяв печенье, шли в поле, и, подкидывая и ловя своих «жаворонков», кликали весну:

– Весна-красна,
На чем пришла?
– На жердочке,
На бороздочке,
На овсяном колосочке,
На пшеничном пирожочке.
– А мы весну ждали,
Клочки допрядали.

Летел кулик из-за моря,
Принес кулик девять замков.
– Кулик, кулик,
Замыкай зиму,
Замыкай зиму,
Отпирай весну,
Теплое лето.

Жаворонушки
На соломушке,
Прилетите к нам,
Принесите нам
Лето теплое,
Соху, борону.
Унесите от нас
Зиму холодную,
Зиму холодную —
Донце с гребнем.
Нам зима надоела:
Весь хлеб поела.

Гулевая песня(см. **Игровая песня**).

Жнивная песня – разновидность осенних песен в календарно-обрядовой поэзии. Осенняя обрядовая поэзия не получила такого развития, как летняя (см. **Троицко-семицкие песни, купальские песни**). Известны лишь жнивны песни, наполненные благодарностью и прославляющие проворных женщин – «дочерей-лебедок», «невесток-перепелок», «раненько» вышедших на ниву и убирающих урожай, «чтобы было, с чего жиги добренько, ладненько»:

Ох, и слава Богу,
Что жито пожали,
Что жито пожали
И в копны поклали,
На гумне стогами,
В клетки закромами,
А в печи с пирогами.

Игровая песня – разновидность весенне-летних песен в календарно-обрядовой народной поэзии. Уже в названиях данного вида песен отражено веселое настроение, обусловленное наступлением долгожданного тепла, надеждами на щедрый урожай (сей в грязь, будешь князь!) возможностью скинуть тяжелую одежду, покрасоваться и присмотреться к будущей невесте или жениху.

В игровых песнях говорилось о посеве и выращивании будущего урожая, здесь была главной тема солнца – источника и продолжения жизни, света и тепла, тема хлебных злаков и других растений, песни-игры так и назывались: «Мак», «Горох», «Капуста», «Лен», «Репка», «Просо»:

– А мы просо сеяли, сеяли,
Ой, дид-ладо, сеяли, сеяли!
– А мы просо вытопчем, вытопчем,
Ой, дид-ладо, вытопчем, вытопчем.
– А чем же вам вытоптать, вытоптать,
Ой, дид-ладо, вытоптать, вытоптать?

(далее в сокращении)

– А мы коней выпустим...
– А мы коней перейдем...
– А чем же вам перенять?..
– А шелковым поводом...
– А мы коней выкупим...
– А чем же вам выкупить?..
– А мы дадим сто рублей...
– Нам не надо тысячи...
– А чего ж вам надобно?..
– А нам нужно девицу... (далее имя)
– В нашем полку убыло...
– В нашем полку прибыло...
– В нашем полку слезы льют...
– В нашем полку пиво пьют!

Игровые песни можно подразделить так:

– *хороводные*, когда собравшиеся двигались по кругу или в этом же круге изображали различные сценки, предусмотренные содержанием песни («Во поле береза стояла»);

– *песни-игры*, исполнявшиеся участниками, выстроенными в две шеренги одна против другой («А мы просо сеяли»);

– «*гулевые*» песни, когда играющие, исполняя песню, ходят друг за другом по избе, заплетают руки, закругляют шеренгу, «завивают» клубком («Заплетайся, плетень», «Завивайся, капуста»).

В игровой поэзии сохранились отголоски и древней магии (заклинания: «Я капустку сажу... да все беленькую, да кочанненькую», «Ты удайся, удайся, мой лен, ты удайся, мой беленький ленок!»), и следы древних форм заключения брака. О бытовавшем некогда обычае похищения невесты напоминают такие игровые песни как «Я хожу, хожу кругом города». Во время их исполнения «жених» собирает товарищей для того, чтобы «пробить» стену, за которой спрятана «невеста».

Осенняя обрядовая поэзия не получила в России такого развития, как летняя. Известны лишь **жнивные песни (см.)**.

Колядовая песня (колядка) – разновидность зимних (предновогодних) песен в календарно-обрядовой поэзии. Наступление нового года в народе связывали с увеличением дня «на куриный шаг» после зимнего солнцестояния 22 декабря. Это наблюдение и легло в основу народных представлений о рубеже, который отделяет конец старого года от начала нового. Приход нового года отмечали призыванием Коляды и Авсенья.

Слово «коляда» восходит к латинскому названию первого числа месяца – *calendae* (ср. календарь). Русские книжечки хорошо знали, что такое «календа». В «Кормчей книге» – переводном византийском сборнике церковных законов XIII в. – записано:

«Каланды суть первии в коемждо месяци дни», т. е. «календы являются первыми днями в каждом месяце».

У древних римлян и в Византии в каждом месяце было три главных дня, по отношению к которым велся счет остальным дням месяца: календы (1-е число), ноны (7-е или 5-е число) и иды (15-е или 13-е числа). Первое января было днем январских календ. Наступление этого дня обозначалось словом *pridie*, что значит «за день до...», а выражение *pridie Kalendas Januarias!* переводилось как «за день до 1 января», т. е. 31 декабря, что не владеющими латынью людьми было воспринято буквально: «Приди, Коляда!» – как призыв некоего мифического божества с именем Коляда.

Обычно римские жрецы созывали народ для объявления о наступлении нового месяца, что было особенно важно для торговцев и должников, обязанных к этому времени заплатить проценты в начале месяца.

На Руси колядование было одним из основных обрядов, проводившихся под новый год. Оно сопровождалось обходом соседей и колядовыми песнями (см. **Авсень**), среди которых можно выделить **песни-величания**:

Приходила коляда
Наперед Рождества.
Виноградье красно-зелено мое!
Напала пороша снегу беленького;

Как по этой по пороше
Гуси-лебеди летели —
Коледовщички,
Недоросточки,
Недоросточки —
Красны девушки.
Сочили, искали
Иванова двора.
А Иванов двор
Ни близко, ни далеко —
На семи столбах;
Вокруг этого двора
Тын серебряный стоит;

Вокруг этого тына
Все шелковая трава;
На всякой тычинке по жемчужинке.
Во этом во тыну
Стоят три терема
Златоверхие.
Во первом терему —
Светел месяц,
Во втором терему —
Красно солнышко,
В третьем терему —
Часты звездочки.
Светел месяц —
То хозяин в дому,
Красно солнышко —
То хозяйюшка,
Часты звездочки —
Малы деточки...

а также **песни-просьбы**:

Коляда, коляда!
Ты подай пирога,
Или хлеба ломтину,
Или денег полтину,

Или курочку с хохлом,
Петушка с гребешком!..
Или сена клок —
Или вилы в бок.

Купальские песни – цикл песен, исполнявшихся в праздник Ивана Купалы (ночь с 6 на 7 июля – по новому стилю). Они содержали элементы древних магических формул, направленных на то, чтобы уберечь урожай от козней злых духов и чтобы щедро уродились хлеба:

Наше жито, наше жито
Лучше всех!..
Колосисто...ядрянисто...
Ядро – с ведро!
Ядро – с ведро!
Колос – с бревно!
Колос – с бревно!

Замкнем ведьме зубы,
Замкнем ведьме зубы!
Которая ведьма коров закликает...
Молоко собирает,
Ой, чур, чур, ведьма!
Ой, чур, чаровница!

Масленичная песня – это зазывание широкой и щедрой Масленицы (ее иногда величают Авдотьей Изотьевной):

Ой, да вот Масленица, ох, на двор въезжает.
Да, широкая, на двор въезжает.
– Да вот, Масленица, иди поскорее.
Да, широкая, иди поскорее.
– Мои девушки, рада поскорее,
Мои красные, рада поскорее.
– Да вот, Масленица, кого ты боишься?
Да, широкая, кого ты боишься?
– Мои девушки, я поста боюся,
Мои красные, большого боюся.
– Да вот, Масленица, пост еще далеко,
Да, широкая, пост еще далеко,
– Да вот, девушки, где же он далеко,
Мои красные, где же он далеко.
– Да вот, Масленица, ох, в лесе на елке,
Да, широкая, ох, в лесе на елке.
– Да вот, девушки, ох, в хате на полке,
Мои красные, ох, в хате на полке.

Подблюдные песни – песни, исполняемые во время игры, сопровождавшей гадание.

В блюдо каждый играющий клал свой предмет (колечко), затем пелись подблюдные песни. Ведущий не глядя вынимал из блюда первое попавшееся кольцо. Содержание песни относили к тому, чье колечко вынималось. Подблюдная песня содержала иносказание, по которому судили о будущем:

Катилося колечко
По бархату,
Прикатилось колечко
Ко яхонту (к свадьбе).

У песни был обязательный припев, который закреплял гадание:

Кому вынется —
Тому сбудется,
Тому сбудется —
Не минуется.

Русская литература не могла обойти вниманием широко распространенный в народе обычай. Описание гаданий мы встречаем у А.С. Пушкина («Евгений Онегин»), у В.А. Жуковского («Светлана») и других писателей:

Из блюда, полного водою,
Выходят кольца чередою;
И вынулось колечко ей
Под песенку старинных дней:
«Там мужички-то все богаты,
Гребут лопатой серебро;
Кому поем тому добро
И слава!». Но сулит утраты
Сей песни жалостный напев;
Милей кошурка сердцу дев.

(А. С. Пушкин. *Евгений Онегин*).

Троицко-семицкая песня – разновидность летних песен в календарно-обрядовой поэзии (см. **Календарно-обрядовые песни**).

С различными состояниями солнца и мира растений связаны наиболее значительные группы обрядов и песен летнего периода, начинавшегося с летнего солнцеворота (Петр-поворот) – 12 (25) июня.

Летние (семицкие) обряды, позднее совместившиеся с христианской Троицей, иначе называют зелеными святками.

В Троицко-семицких песнях центральное место отводится *березке* – культовому дереву славян, дереву-первопредку, символу тепла и жизни (см. **Береза**).

В песнях русского народа березка среди других растительных образов занимает первое место:

Ты не радуйся, клен-дерево,
Не к тебе идут красные девушки...
Уж ты радуйся, белая березонька,
Мы к тебе идем, красные девушки...

Березку украшали лентами, плели из нее венки (гадая, пускали их по воде); у березы «кумились», давая клятву дружбы; березу славили, носили по деревне (с приходом христианства – в церковь); у березки водили хороводы:

Березонька кудрявая,
Кудрявая, моложавая,
Под тобою, березонька,
Все не мак цветет,
Под тобою, березонька,
Не огонь горит...
Красные девушки
В хороводе стоят,
Про тебя, березонька,
Все песни поют.

3. Песни

Бурлацкие песни – песни бурлаков и о бурлаках.

Бурлачество зародилось в России в конце XVI – начале XVII в., когда государство было особенно заинтересовано в развитии водных торговых связей и отношение к беглым крестьянам или рекрутам, нанимавшимся в бурлаки, было самым снисходительным. В бурлаки уходили и от семейных невзгод, и от жестокостей крепостничества. Обычно они спускались на судах вниз по течению и возвращались, ведя бечевой нагруженные товарами суда, кроме этого, были и грузчиками, и носильщиками.

Лучше всего труд бурлаков отражен в знаменитых «дубинушках»:

Да вы, ребята, бери дружно!
Тащить сваюшку нам нужно!

Эх, дубинушка, ухнем!
Эх, зеленая, сама пойдет!
Идет, идет, идет, идет!
Идет, идет!

Да вы, ребята, не робейте,
Свою силу не жалейте!

Эх, дубинушка, ухнем!

Да вы, ребята, дери глотку,
Даст хозяин нам на водку!

Эх, дубинушка, ухнем!
Эх, зеленая, сама пойдет!..

Да вы, ребята, старайтесь,
За дубинушку хватайтесь!

Эх, дубинушка, ухнем!

Исторические песни – песни, возникновение которых связано с тем или иным историческим событием или лицом. При этом отдельные нюансы события («Я со Камы со реки, Стеньки Разина сынок») или характерологические детали художественно-поэтического портрета исторического лица могли быть вымышлены, приукрашены или перевернуты, иногда создавая образ, искаженный вплоть до своей противоположности.

В отличие от былин, с их неизменной поэтической структурой, исторические песни, обладая той же информативностью, уже не имеют строгих композиционных правил и подчиняются законам других жанров.

Традиции былинного эпоса еще угадываются в «Авдотье Рязаночке»: освобождая родных из плена, героиня преодолевает фантастические препятствия, решает трудные проблемы выбора. В песне о разгневанном Иване Грозном конфликт между героями, как и в былинах, завязывается на царском пиру.

С течением времени былинность уходит из развивающегося нового жанра. Песни XVII—XVIII вв. становятся более разноплановыми, приобретают социальную окрашенность. Героями новых песен являются реальные персонажи – Степан Разин, Емельян Пугачев, Иван Грозный, Ермак.

При внешней простоте исторические песни обладают широким фольклорным контекстом, здесь активно «работает» фольклорная символика: смерть воспринимается как переправа через реку, герои уподобляются орлам и соколам, широко употребляются символические образы деревьев – березки, дуба, рябины и др. Известнейшие персонажи исторических песен – Авдотья Рязаночка, Иван Грозный, Ермак, Стенька Разин, Емельян Пугачев.

Лирические песни – песни, отражающие мир личных чувств.

Лирическая песня помогала народу выстоять в любых ситуациях, впитала в себя грусть и боль потерь, обид и разочарований, была единственным средством сохранения собственного достоинства в состоянии унижения и несправедности. «Песня – подруга, шутка сестра», – гласит русская пословица. Сквозь душевную скорбь, печальную «заунывность» лирической песни явно проступают величие и нравственная красота народа:

Ах, не одна-то... во поле дороженька... пролегала!
Ах, зарастала та дорожка... ельничком да березничком,
Эх, горьким частым осинничком!
Ах, что нельзя-то нельзя
К любушке, к сударушке... в гости ехать молодцу.
Ах, ты прости прощай,
Мил сердечный друг, эх, прощай, будь здорова.
Ах, коли меня лучше найдешь... меня позабудешь,
Ах, коли хуже меня найдешь...
Эх, меня, доброго молодца вспомянешь,
Меня ты вспомянешь...
Эх, горячими слезами, эх, заплачешь...

Мелодии и тексты народных песен искусно вплетались в художественную ткань классической музыки. Главная тема песни «Что гадать о свадьбе» в опере М.И. Глинки «Жизнь за царя» («Иван Сусанин») записана великим русским композитором со слов лужского извозчика.

Плясовые (шуточные) песни – название этой группы песен говорит само за себя. Хорошее, веселое настроение не чуждо русскому песенному творчеству, в котором находят место и смех, и шутка, и насмешка:

Круг келейки я хожу...
Круг я новенькия,
Круг сосновенькия;
Все я старицу бужу:
Уж ты, старица, встань,
Ты, спасена душа, встань,
Уж к заутрени звонят,
Люди сходятся,
Богу молятся,
Все спасаются.
– Ты поди прочь, пономарь!
Ты поди прочь, молодой!
Уж я, право, не могу,
Вот-те Бог, не могу:
Ручки-ножки болят,
Все суставчики можжат...
Круг келейки я хожу...
Круг я новенькия,
Круг сосновенькия;
Все я старицу бужу:
Уж ты, старица, встань,
Ты, спасена душа, встань,
Как у наших у ворот
Собирается народ
Все со скрипочками,
С балалаечками.
– Ты постой-ка, пономарь!
Подожди, молодой!
Уж и стать, было, мне,
Поплясать было мне.

«Веселое лукавство ума», свойственное русскому народу, примечает своеволие девки, которая называет своего отца «грозным» и «немилостивым» только потому, что он «не пускает, молодцу, вечером гулять одну»:

Я не слушаю отца,
Я потешу молодца.

Примечает оно и глупость старика, прельстившегося молодой красотой:

...Я от старого уходила,
Цветно платье в подоле уносила,

У соседа под сараем снаряжалась...
Всю я ноченьку, младая, прогуляла...
Домой бежала, торопилась.
Скок-поскок, молодая на крылечко,
Стук да бряк, молодая во колечко.
– Где была ты, жена молодая?
Где была ты, да с кем ты гуляла?
– Я телушку во хлевушку загоняла,
Тут со мною беда приключилась:
Распроклятая вертушка завернулась,
Всю я ночку на морозе продрожала.
– Кабы знал, кабы знал я, отворил бы...

Многие русские плясовые вошли в золотую копилку мировой культуры: «Калинку» знают едва ли не в каждой стране. Широко известны песни «Светит месяц», «Уж вы сени мои, сени», «Во поле береза стояла».

Разбойничьи песни – песни разбойников или о разбойниках.

Разбойничья (и тюремная) песня как жанр формировалась во время крестьянских восстаний, массовых побегов крестьян и солдат от жестокой подневольной жизни (XVII—XVIII вв.). Основная тема разбойничьих и тюремных песен – мечта о торжестве справедливости:

Срубили буйну голову губернатору...
– Ты ведь, губернатор, строг-жесток к нам был,
Ты ведь бил-губил нас, в ссылку ссылавал,
На воротах жен, детей наших вешал.

В разбойничьих и тюремных песнях звучит тоска о справедливой монаршей власти:

Ты откройся, гробова доска,
Разорвись-ко, восстань наш благоверный царь,
Благоверный царь Александр Павлович!
У нас все-то нынче не по-прежнему!

Герои разбойничьих песен – удалые, смелые «добрые молодцы» со своим кодексом чести, стремлением осмыслить происходящее («думу думати»), мужественной готовностью принять все превратности судьбы:

Не шуми, мати, зеленая дубровушка!
Не мешай мне, доброму молодцу, думу думати!
Что завтра мне, доброму молодцу, в допрос идти,
Перед грозного судью – самого царя.

Еще станет государь-царь меня спрашивать:
Ты скажи, скажи, детинушка, крестьянский сын,
Уж как, с кем ты воровал, с кем разбой держал?
Еще много ли с тобой было товарищей?

«Я скажу тебе, надежа, православный царь,
Всю правду скажу тебе, всю истину,
Что товарищей у меня было четверо:
Еще первый мой товарищ – темная ночь,
А второй мой товарищ – то мой добрый конь,
А четвертый мой товарищ – то тугой лук,
Что рассыльщики мои – то калены стрелы.»

Что возговорит надежа православный царь:
«Исполать тебе, детинушка, крестьянский сын,
Что умел ты воровать, умел ответ держать!
Я за то тебя, детинушка, пожалую
Среди поля хоромами высокими,
Что двумя столбами с перекладиной!»

Высоко оценив психологическое содержание этого великолепного образца народной поэзии, отдав дань ее широкой популярности, А.С. Пушкин включил песню «Не шуми, мати, зеленая дубровушка...» в свои повести «Дубровский» и «Капитанская дочка».

Рекрутские песни (см. Солдатские песни).

Свадебные песни – песни, сопровождавшие все свадебное действо от сватовства до «княжьего стола», т. е. пиршественного стола в доме жениха: сговор, девичник, венчание, приезд и отправление свадебного поезда в церковь.

Жениха и невесту, семейную пару в лирических песнях символизируют неразлучные Утушка и Селезень или особенно любимые на Руси лебедь с лебедушкой (см. Лебедь).

Утка и лебедушка – символы вечной женственности, каждый из которых отражает сложные перипетии женской судьбы:

Вниз по реченьке, вниз по быстренькой
Там плывет утка да со селезнем...
«Ты постой, постой, селезенюшка,
Ты постой, постой сиз-касатенький,
Ой, и лучше б нам да умеете плыть,
Да умеете плыть нам – не розниться...»
У нас по сенюшкам, у нас по новеньким
Там ходил Степан да со Марьею...
«Ты постой, постой, да Степан-сударь,
Ты постой, постой да Иванович!
Ой, и лучше б нам да умеете идтить,
Да умеете идтить нам – не розниться...
Промеж нас прошла чужая жена,
Чужая жена – разлука моя».

Русская свадьба – это сложный комплекс почти театральных обрядовых действий, включающих в себя множество песен: **приговоров, величаний, песен-диалогов и песен-причитаний, корильных песен.**

1. *Свадебные приговоры* произносились большей частью дружкой, который играл важнейшую роль на свадьбе: был ее «режиссером» и защитником жениха и невесты от злых сил.

Ой, Кузьма, Кузьма,
Святой Демьян,
Вы и скуйте нам свадебку
На четыре на гранюшки:
Первая-то гранюшка – на житье, на богатство,
Вторая-то гранюшка – на совет, на любовь,
Третья-то гранюшка – на долгий век,
Четвертая-то гранюшка – на сыновей-пахарей,
На дочек-вышивальщиц...

Или:

– Родные отец и мать,
Вскормили, вспоили свое милое чадо,
Теперь благословите
Приобуть, приодеть,
Самоцветное платье надеть...

Иногда приговоры произносились свахой, сватом или родителями. Когда дружка обращался к кому-либо из участников ритуала, образовывались песни-диалоги, придающие свадебному обряду характер спектакля, в котором почти каждый был участником:

– Родные отец и мать,
Вскормили, вспоили свое милое чадо,
Теперь благословите
Ни золотом, ни серебром,
А счастьем и долей
И добрым здоровьем
– Благословляем тебя, сын,
Ни золотом, ни серебром,
А счастьем и долей
И добрым здоровьем.

После произнесения приговора родители клали на поднос хлеб-соль, изредка деньги; потом подношения делали гости.

Когда невеста оделяла родню жениха подарками, дружка также приговаривал:

– Кто не доволен, то вот у нашей княжны
Даров еще осталось много;
Она в девицах не спала, не дремала,
А все пряла да дары вышивала.

Гости должны были ответить:

– Довольны и благодарим...

Чрезвычайно популярны на свадьбах были *песни-диалоги*. Типичный пример девичьих песен (исполнявшихся на девичнике) – разговор дочери с матерью:

– Матушка, матушка! Что во поле пыльно?

Сударыня матушка! Что во поле пыльно?

– Дитяtko, милое, кони разыгрались...

– Матушка, матушка! Бояре едут...

Сударыня матушка! Бояре едут.

– Дитяtko, милое, сиди, не бойся...

– Матушка, матушка! За столы садятся.

Сударыня матушка! За столы садятся...

– Дитяtko, милое, я тебя не выдам...

– Матушка, матушка! Образа снимают.

Сударыня матушка! Нас благословляют...

– Дитяtko, милое, господь с тобою...

Величания – песенные восхваления жениха и невесты, изначально связанные с заклинательной магией: благополучие, счастье невесты и жениха представлялись реальными, почти наступившими. В поздних формах заклинательную магию величания вытеснило выражение идеального типа нравственного поведения, красоты, достатка:

Что у месяца рога золоты,
И у солнышка лучи светлые;
У Ивана кудри русые —
Из кольца в кольцо испронизаны!
Что за эти-то за кудерочки
Государь его хочет жаловать
Первым городом – славным Питером,
Другим городом – Белым озером,
Третьим городом – каменной Москвой!
На Белом озере – там пиво варят,
В каменной Москве – там пиво гонят,
В славном Питере – тем женить хотят.
У купца брать дочь, у богатого,
Дочь умную, дочь разумную —
Катерину Пантелеевну.
Со даньем ее, со приданым,
Со бельем ее коробейным!

Причитания – лирические песни, непосредственно передающие чувства и мысли невесты, подруг, участников свадьбы. Изначально функция причитания определялась обрядом, где невеста представляла свой уход из дома как нежелательный, как действие, совершающееся против ее воли, чтобы избежать мести покровителей очага. Но нельзя утверждать, что плач невесты всегда был неискренним. Конечно, иногда причитания выражали и подлинные чувства:

Ты вставай-ка, родима матушка!
Проспала ты среди темны ночки,
А мне, молодой, не уснулося.
Уж такой ли мне сон привиделся:
Ходила я по горам по крутым,
Собирала я круты ягоды.
Что круты ягоды – мое горе,
Круты ягоды – мои слезы.

Корильные песни – песни-шутки, часто пародии на величания.

Функция корильных песен развлекательная, они окрашены юмором. Исполнялись после совершения всех основных действий свадебного чина:

...У нас в лавке булавки колотят,
Тебя, сват, за столом поколотят.
...Да у нас в огороде не дорога,
У нас сват за столом не дороден,
...У нас в огороде не сноп ли?
У нас сват за столом не без ног ли?..

Солдатские песни (их название говорит само за себя) стали складываться после указа Петра I о рекрутских наборах (1699).

Бессрочная служба, установленная указом, навсегда отрывала солдата от семьи, от родного дома. Солдатские и рекрутские песни пронизаны обреченностью («невзгодушка великая – служба государева»), описывают тяжелые минуты расставания с родными («Из твоих очей молодепких слезы катятся, как река льются»), тягот казарменного быта («Что день-то, ни ночь нам, солдатушкам, угомону нет: Темна ноченька приходит – на карауле быть, Бел денечек наступает – во строю стоять») и зачастую неизбежной смерти в бою:

Под ракитою зеленой русский раненый лежал,
Над ним вился черный ворон, чуя лакомый кусок.
«Ты не вейся, черный ворон, ты не вейся надо мной,
Ты добычи не дождешься: я солдат еще живой.
А слетай-ка, черный ворон, к отцу с матерью родной,
Ты снеси им, черный ворон, мой поклончик слезовой.
А жене моей красивой – хоть платочек кровавой,
И скажи, чтоб не тужила, я женился на другой.
Я женился на другой – на винтовке строевой,
Шашка свашкой была, со штыком венчался я,
Взял приданое большое – все германские поля.»

Среди солдатских и рекрутских песен особой группой выделяются *причитания*:

Путь-дорожка скороталась,
Божья церковь показалась.
Как не радуйся, пожалуйста,

Пресвятая Богородица,
Как не воз идет с товарами,
Не другой да со покупками,
Везут телушко-то мертвое,
Личушко-то блеклое,
Вослед идут, шатаются
Сироты да малы детушки!

Хороводные песни – игровые песни, название которых восходит к имени древнего солнечного славянского божества Хорса (ср. хорошо, хоромы, хоровод). Собранные двигались по кругу, изображая движение светила по небосводу, тем самым славя, призывая и умилостивляя так необходимое для урожая солнце.

В этом же круге изображали предусмотренные содержанием песни различные сценки. Наиболее популярные хороводные песни дошли до нашего времени: «Во поле береза стояла», «Хожу я гуляю да вдоль хоровода», «Вдоль да по речке, вдоль да по Казанке» и т. д.

Ямщицкие песни – песни ямщиков или о ямщиках. Быт ямщиков, основным занятием которых была «ямская гоньба», значительно отличался от быта крестьян. Они были освобождены от податей, но положение их все же было крайне тяжелым. Часто «служилые люди» не платили прогонных денег, а когда ямщики отказывались возить бесплатно, их избивали, а то и заковывали в кандалы. Ямщиков, которые пытались вернуться обратно в село, насильственно возвращали на заставу. Их песни повествуют о безрадостной судьбе. Особенно часто встречаются в ямщицких песнях мотивы о любви к «красной девице», которая «без морозу сердце повызнобила», и о смерти ямщика в степи, в чужедальной стороне:

Из-за лесу, лесу темного,
Из-за гор да гор высокиих
Не красно солнце выкаталось,
Выкатался бел-горюч камень...
Во Изюме славном городе,
На степи на Саратовской,
Разнемогался тут добрый молодец
Он просит своих товарищей:
«Ах вы, братцы мои, товарищи,
Не покиньте добра молодца при бедности,
Что при бедности и при хворости...
Как приедете в святую Русь...
Моему батюшке низкий поклон,
Родной матушке – челобитьице,
Молодой жене своя воля,
Хоть вдовой сиди, хоть замуж пойд...»

Известные и широко распространенные сегодня песни, по праву называемые народными: «Степь да степь кругом...», «Когда я на почте служил ямщиком...», «Вот мчится тройка почтовая...» – песни литературного происхождения на стихи поэтов И.З. Сурикова, Л.Н. Трефолева, Ф.Н. Глинки.

Из русской литературы

Давным-давно, задолго до железных дорог, на самой дальней окраине большого южного города жили из рода в род ямщики – казенные и вольные. Оттого и вся эта местность называлась

Ямской слободой, или просто Ямской, Ямками, или, еще короче, Ямой. Впоследствии, когда паровая тяга убила конный воз, лихое ямщицье племя понемногу растеряло свои буйные замашки и молодецкие обычаи, перешло к другим занятиям, распалось и разбредось. Но за Ямой на много лет – даже до сего времени – осталась темная слава, как о месте развеселом, пьяном, драчливом и в ночную пору небезопасном

(А.И. Куприн. Яма).

4. Детский фольклор

Дразнилка – насмешливая, направленная на деморализацию недруга прибаутка рифмованного характера:

Рыжий, рыжий, конопатый,
Убил дедушку лопатой,
А лопата ни при чем,
Рыжих лупят кирпичом!

Жадина-говядина,
Соленый огурец,
По полу валяется,
Никто его не ест.

Тили-тили тесто,
Жених и невеста!

Жир-трест-комбинат —
Промсосиска-лимонад!

Андрей-воробей,
Не гоняй голубей!

Действенное средство в детских конфликтах, дразнилки имеют ответные вербальные формулы:

Кто обзывается,
Тот сам так называется.

Я тебя не слушаю,
Посолю и скушаю.

Обзываешь ты меня,
Переводишь на себя.

Шел, шел крокодил,

Твое слово проглотил.
А мое оставил,
И печать поставил.

Жеребьевка – один из самых распространенных жанров детского фольклора. Как и считалки, жеребьевки предназначены для распределения игровых ролей. Ребенок выбирает что-то одно, получая игрока в свою команду, или что-либо другое:

Наливное яблочко или золотое блюдечко?
Коня вороного или казака удалого?
Конь вороной остался под горой.
Какого коня: сивого или златогривого?

Закличка – детское песенное обращение к солнцу, радуге, дождю, птицам:

Дождик, дождик, перестань,
Я поеду в Ерестань,
Богу молиться,
Царю поклониться.

Я, убогий сирота,
Растворяю ворота
Ключиком, замочком,
Золотым платочком.

Солнышко, солнышко,
Выгляни в окошечко,
Дам тебе веретешечка,
Насыплю горошечка.

Дождик, дождик, пуще,
Дам тебе я гущи.

Колыбельные песни – древнейшие лирические песни, сопровождающие укачивание ребенка. Колыбельная песня отличается необыкновенной нежностью, размеренностью и спокойствием.

Алексей Толстой писал об особенностях старинной колыбельной песни: «Нельзя до конца прочувствовать старинную колыбельную песню, не зная, не видя черной избы, крестьянки, сидевшей у лучины, вертящей веретено и ногой покачивающей люльку...

Левая рука прядет волну, правая крутит веретено, и свет жизни только в огоньке лучины, угольками спадающей в корытце:

У кота, у кота
Колыбелька золота,
А у дитятки мово

И получше того:
Люля точеная,
Позолоченая.
У кота, у кота
И подушечка белая
У мово ли у дитя
И белее того...».

Излюбленный образ колыбельных песен, это, конечно, котинька-коток (см. Кот).

Колыбельные песни распространены и в творчестве крупных композиторов – М.И. Глинки, П.И. Чайковского. М.П. Мусоргским написана известная «Колыбельная Еремушки».

Пестушка – песенка или стишок, которыми сопровождаются первые сознательные движения ребенка. Когда малыш учится ходить, приговаривают:

Три-та-та, три-та-та,
Вышла кошка за кота,
За Кота Котовича,
За Петра Петровича.

Потешка – коротенькая песенка, сопровождающая первые игры ребенка с пальцами, ручками и ножками, например «Сорока-белобока», когда каждый пальчик ребенка кормится кашкой, а мизинчику ничего не дают, потому что слишком мал и ничего не наработал. Самой популярной потешкой с глубокой древности остаются «Ладушки»:

– Ладушки, ладушки!
Где были? – У бабушки.
– Что ели? – Кашку.
– Что пили? – Бражку.
Кашка сладенька,
Бражка пьяненька,
Бабушка добренька.
Попили, поели, —
Шу-у, полетели,
На головушку сели.
А тари, тари, тари,

Куплю Маше янтари,
Останутся деньги,
Куплю Маше серьги.
Останутся пятаки,
Куплю Маше башмаки.
Останутся грошики,
Куплю Маше ложки.
Останутся полушки,
Куплю Маше подушки.

Приговорка – словесное ситуативное обращение взрослых к детям. Например, при обливании ребенка в бане говорят:

«С гуся вода, с Алёнушки худоба! Укатись вся!»; плачущему ребенку говорят: «Не плачь, дам калач. Не вой, дам другой. Не реви, дам три!».

Дети же, в свою очередь, обращались к насекомым: жукам, улиткам, божьим коровкам, примечая: полетит жучок – к ведру, поползет – к ненастью.

Божья коровка,
Черная головка,
Полетай за море!
Там тепленько.

Считалка – рифмованный стишок, с помощью которого играющие дети распределяют роли и устанавливают очередность для начала игры:

– Раз, два, три, четыре, все извозчики в трактире, чай пьют, чашки бьют, на стол денежки кладут, а хозяйка не зеваёт, только деньги подбирает; прискакали ермаки, поскидали колпаки, один ермак не снял колпак, тот остался дурак!

– Шла торговка с длинным носом, подошла ко мне с вопросом: как убавить этот нос, чтобы больше он не рос? Вы возьмите купоросу, приложите его к носу, а потом – отрубите топором!

Часть II

Основные персонажи русского фольклора

1. Люди и духи

Авдотья Рязаночка – героиня исторической песни, отправившаяся, подобно богатырям, на подвиг освобождения родных из плена царя Бахмета турецкого.

У Авдотьи Рязаночки в плену трое родных: брат, муж и свекор.

Дорога, по которой ей нужно пройти к разорившему Казань царю, полна лютых зверей и разбойников. Но героиня «мелкие ручейки бродом брела, глубокие реки пльвом плыла, чистые поля разбойников о полночь прошла (о полночь разбойники опочин держат), темные леса о полден прошла (о полден люты звери опочин держат)» и пришла в стан врагов.

Царь Бахмет предложил «женке рязаночке» выбрать одного из трех дорогих ее сердцу мужчин: «А не умеешь попросить ты головушки, так срублю я тебе по плеч буйну голову».

Авдотья после некоторого раздумья и пролитых слез решает спасти брата: «Я в Казани-то была женка не последняя... замуж пойду, так у меня и муж будет, свекра я стану звать батюшкой... а не видать мне единыя головушки – милого братца родимого...».

Растроганный таким решением царь Бахмет, «за речи разумные» позволяет Рязаночке вывести из плена всех, кого она хочет:

Ты Авдотья женка Рязаночка!
Когда я разорял вашу сторону
Казань-город подлесную,
Тогда у меня убили
Милого-то братца родимого.
Не видать буде век да и по веку.
За твои-то речи разумные,
За твои-то слова, за хорошие,
Ты бери полону, сколько надобно,
Кто в родстве, в кумовстве, в крестном братовстве.

Авдотья, воспользовавшись ситуацией, «привела весь полон во свою Казань-город подлесную» и «расселила город по-старому».

Алёнушка (искаженное Елена) – самый трогательный женский персонаж русских народных сказок. Алёнушка – сирота, имеет младшего непослушного брата Иванушку (см. Козел). Она обретает свое счастье только после того, как проходит множество горестных испытаний: брат Алёнушки теряет человеческий облик, злая колдунья напускает на нее порчу и топит в море.

Только отчаянная настойчивость насмерть перепуганного брата:

Алёнушка, сестрица моя!
Выплывь, выплывь на бережок!
Костры горят горючие,
Котлы кипят кипучие,
Хотят меня зарезати!

– трогает души людей, и они спасают Алёнушку. Для него же самого обратной дороги нет: Иванушка, жестоко наказанный за непослушание, так и остается козленочком.

Трогательный образ Алёнушки мы видим на одноименной картине В.М. Васнецова (1881).

Алёша Попович – мифологизированный образ молодого русского богатыря. Образ Алёши Поповича во многом схож с образом *Волха Всеславьевича* (Вольги Святославовича): имя Волха (Вольги) семантически связано с волшебством-волхованием, и полное былинное имя Алёши – Чудородыч. Его рождение на свет сопровождается громом и землетрясением. Похоже поведение богатырей после рождения: точно так же, как и Вольга, Алёшенька Чудородыч, едва народившись, просит мать не пеленать его пеленами, но надеть на него кольчугу – он уже способен сидеть верхом, владеть копьём и саблей. Похожи шутки и проделки богатырей, и даже их жены носят одинаковое имя Елена.

Алёша – младший из известной богатырской троицы (Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алёша Попович), сын ростовского попа Левонтия (Федора). Уже во младенчестве Алёша просит материнского благословения отпустить его погулять по белу свету.

Самого младшего из богатырей (не случайно он единственный носит неполное имя) отличает не физическая мощь, напротив, иногда даже подчеркивается хромота, а молодечество, удаль, мужество, смекалка. Алёша обаятелен, лукав и остроумен, хотя шутки его иногда бывают злыми, а сам он нередко «гордлив-спесив».

Старшие богатыри вполне правомерно высказывают ему свое порицание.

Алѣша, безудержно влюбившись в жену Добрыни Настасью Никуличну, идет на обман, чтобы ею завладеть. Солгав родным Добрыни о его смерти, богатырь заручается поддержкой князя Владимира в сватовстве чужой жены и, несмотря на ее сопротивление (сверх мужниного наказа ждать его шесть лет Настасья «кладет свою женскую заповедь» – ждать еще шесть лет), доводит дело до свадебного пира. Лишь вовремя появившийся в обличье калики (скомороха) Добрыня спасает жену и себя от позора.

Женой Алѣши становится соблазненная им в девичестве сестра Сбродовичей (Петровичей) Елена (Олена, Олѣнушка). Братья уже готовы были отсечь ей голову за позор, когда вмешавшийся Алѣша объявил ее своей женой.

Наиболее древний сюжет, связанный с образом Алѣши Поповича, – бой его с Тугарином. Бой происходит на пути Алѣшеньки млада из Ростова в Киев. Алѣша едет не один, с ним товарищ – богатырь Еким Иванович. Но именно Алѣша мгновенно реагирует на сообщение встретившегося им калики о Тугарине Змеевиче:

В вышину ли он, Тугарин, трех сажень,
Промеж плечей косая сажень,
Промежу глаз калена стрела,
Конь под ним, как лютый зверь,
Из хайлища пламень пышет,
Из ушей дым столбом стоит.

Алѣша незамедлительно меняется одеждой с каликой, берет «шелепугу дорожную», налитое в пятьдесят пудов «свинцу чебурацкого», «чингалище булатное» и идет за Сафат-реку, где и расшибает Тугарину буйну голову. Есть былинные варианты, где этот бой происходит дважды: Тугарин Змеевич появляется на пиру у князя Владимира и «нечестно хлеба ест и нечестно питья пьет». Кроме того, Змей вольно обращается с княгиней Апраксией, женой князя Владимира Красное Солнышко, и даже целует, пользуясь ее явным расположением. Алѣша, не выдерживая неучтливости поведения Тугарина, несколько раз делает замечания князю, и в конце концов, заступившись за его честь, одержав очередную победу над врагом, высказывает в довольно резкой форме порицание забывшейся княгине.

Из русской литературы

Он глянул вниз и остолбенел от ужаса. По проливу, оставляя за собой светлый след, двигался «Алѣша Попович». Они уходят из Оук-порта!

Куда? Почему? Они уходят без него! Он остался совсем один! «Алѣша Попович» проходил прямо под ними. Палубы были пусты. Медленно вращалась антенна локатора. Геннадию показалось, что он видит в стене ходовой рубки каменное лицо своего друга капитана Рикошетникова

(В.П. Аксенов. Мой дедушка – памятник).

Апраксин (Евпраксия, Апракса, Опракса) – княгиня, жена князя Владимира Красное Солнышко (см. **Князь Владимир Красное Солнышко**), сосватанная у литовского короля Добрыней Никитичем (см. **Добрыня Никитич**) и Дунаем (см. **Дунай**). В эпосе Апраксия – красивая и преданная жена князя Владимира, отвечающая нравственным и эстетическим требованиям народа к идеальной царице.

Но чаще княгиня совсем другая. Факт происхождения Апраксин из враждебного племени обусловил пристальное внимание к ней, жене величайшего человека, объединителя русских

земель. Нередко мнение народа складывалось не в пользу княгини. В некоторых сюжетах Апраксия предстает типичной изменщицей, дерзко попирающей традиционные нормы семейной морали: она «пылает страстью» ко многим заезжим гостям (даже врагам и паломникам), откровенно позоря мужа и даже прилюдно целуясь с Тугарином Змеевичем за пиршественным столом, за что не раз получает порицание: «Чуть не назвал тебя сукою, сукою да волочайкою» («Алёша и Тугарин». *Былина*). Это роднит ее с образом Марьи Белой Лебеди (см. **Михайло Поток**), оборотня, представительницы далеко не дружественного Руси государства.

Даже при встрече с женой Ставра Годиновича (см. **Ставр Годинович**) Василисой Микуличной, приехавшей переодетой в молодого посла Золотой Орды, чтобы освободить плененного мужа, княгиня Апраксия, сразу распознав в ней женщину («ступат тихонько да коленки жмет»), предпочитает умолчать о своих догадках, не посвящая в них мужа, ибо в душе желает посрамления князя Владимира, таким образом получая прекрасную возможность лишний раз съязвить в его адрес, возвеличиваясь над ним умом и прозорливостью.

Баба (бабка, старуха) – один из самых добрых, душевных образов народной поэзии. Баба нигде не встречается без деда (мужика), это образ исключительно парный. Если мужика (деда) нет, то из сильной, сметливой, говорливой, иногда вздорной и глупой, но неизменно работающей и неунывающей, она сразу превращается в горькую вдову, сиротинку (см. Дед).

«Жили-были дед и баба...» – типичный зачин русской сказки.

Дед и баба вместе решают бытовые, семейные, морально-нравственные и даже вселенские проблемы, поистине деля все пополам.

Их совместная жизнь полна удивительных, прекрасных и печальных событий: курочка Ряба приносит им золотое яичко – символ Золотого царства, с которым они не знают, что делать; от них убегает румяный Колобок – древний образ солнца, неизменно закатывающегося в черную пасть ночи. Дед и баба творят себе детей из любого подручного материала: из снега (Снегурочка), из колодочки (Терешечка), из пальчика (Мальчик-с-пальчик) – столь же фантастично выдавая замуж выросших дочерей за Месяца Месяцовича, Ворона Вороновича, а то и запросто роднясь с Солнцем, находясь в центре вселенной и непосредственно влияя на уклад ее (вселенной) жизни.

Смерть одного из детей дружной пары является лишь первым звеном в цепи последующих несчастий, и замена бабы второй женой не только не решает проблемы, но и усугубляет их (сказки «Морозко», «Василиса Прекрасная»), подводя слушателей к мысли о предпочтительности вдовства.

Слово «баба» может входить в состав имени Баба Яга или в виде суффиксального образования – бабка – обозначать род женских занятий: повитуха, знахарка.

Самая прославленная баба русского фольклора – Баба Яга (см. **Баба Яга**).

Баба Яга (первоначально – *Яга Баба*) – один из наиболее архаичных, а потому самых сложных и многоплановых образов русского фольклора. Образ Бабы Яги совпадает по внешним признакам с образом ведьмы (см. **Ведьма**) – неопрятной, безобразной злой старухи с длинным крючковатым носом и седыми космами. Но на этом сходство заканчивается.

Этимология имени и генезис образа Бабы Яги – предмет неутихающих многолетних дискуссий в среде историков, фольклористов и всех интересующихся этим вопросом. Одни исследователи

полагают, что слово «яга» восходит к санскритскому *agni* – огонь, основываясь на том, что Баба Яга является хранительницей и дарительницей огня и света, другие отстаивают ее змеиную природу, связывая имя с санскритским *abhi* – змея, базируя доказательства на ее одноногости (Баба Яга – костяная (золотая, глиняная) нога) и принадлежности к разряду хтонических существ: Баба Яга – дочь Земли. Можно предположить, что имя Бабы Яги восходит к индоевропейскому *egh* – колоть (ср. «еж», «ежить» – атаковать), привязать его к обряду инициации и потере девственности (ступа – эротический символ женского лона).

Существует концепция, связывающая образ Бабы Яги со славянской богиней смерти, отсюда и ее дом – могила (ср. домовина), где «нос в потолок врос» (теснота гроба), находится среди кладбищенских костей («забор из человечьих костей, вместо дверей – ноги человечьи») и т. д.

Интересных гипотез множество, но несомненно одно: Баба Яга является праматерью всего сущего (см. **Баба**), хотя эта истина в фольклоре выражена имплицитно, будучи погребенной под ворохом позднейших наслоений.

Возможно, Баба Яга, как и многие другие древние женские образы (Мойра, Парка, Норна), некогда была трояственным божеством. В текстах некоторых сказок мы встречаем прямые указания на это:

– Не знаешь ли, Баба Яга, тридесятого царства?

– Нет, не ведаю, – сказала Яга и велела ему идти к своей средней сестре. – Та не знает ли?

(«Царь девица». Сказка).

Межэтнические мифы о нитях судьбы, которые ткут невидимые богини, не обошли и Бабу Ягу: именно она дает искателям клубок ниток, ведущий по дороге жизни, а в особенных случаях эта нить золотая:

– Моя сестра золото станет вить, как совет веретешко, и положит в ящик, и ящик запрет, ты найди ключ... («Лягушка-царевна». Сказка).

Баба Яга – властительница и хозяйка трехчасшого мира: нижнего, среднего и верхнего. Ей подчиняются Красный (солнце),

Белый (день) и Черный (ночь) всадники, верно служат гуси-лебеди (см. Лебедь) – связные всех трех царств и причастные тайнам золотых клубочков, яблочек и волшебного зеркала.

Транспорт Бабе Яге нужен для того, чтобы быстро перемещаться по поднебесью (не по небу и не по земле!), в подземное же царство мертвых она спускается сама.

Образ Бабы Яги насыщен стойкими знаковыми характеристиками, разработанными фольклором до мельчайших деталей, которые, сохраняя заданную раз и навсегда форму, соединяются все время по-разному.

Баба Яга – чародейка, волшебница, лесной демон. Чаще она одинока, хотя иногда в сказочных текстах мы встречаем ее дочерей. Баба Яга находится в родстве с Кощеем Бессмертным (см.

Кощей Бессмертный), с матерью Василисы Прекрасной; дружит со Змеем Горынычем (знает все их тайны). Она живет в далеком глухом лесу, имеет свой «транспорт» (ступу, движимую пестом и помелом), ее зычный голос слышен на огромном расстоянии.

Могущество чародейки обусловлено принадлежащим ей огромным количеством волшебных предметов (см. **Волшебные предметы**) и невидимых слуг.

Жилище Бабы Яги представляет собой либо чудесную избушку на курьих ножках (см. **Изба, Курица**), способную к самостоятельному передвижению, либо (более поздний вариант) добротный дом, окруженный крепким забором, где «изобиле во всем», а в просторном дворе – множественные хозяйственные постройки:

баня, конюшня, погреб, закрома и т. д.

Ее дом окружает частокол с насаженными на шести человеческими черепами, закрытый на запоры из человеческих костей.

В исследованиях, посвященных древнейшему образу, настойчиво проводится мысль о людоедстве Бабы Яги, но не зафиксировано ни одного сказочного текста, где бы лесная отшельница съела хоть одного человека/ребенка. Все ее враждебные действия носят предупредительный характер, они направлены в первую очередь на сбережение ее собственного покоя, что вполне естественно для хозяйки и представительницы потустороннего мира, где избушка на курьих ножках – всего лишь намек на дом-могилу (без окон!), куда вход живому строго запрещен.

В качестве ушедшего из жизни предка, праматери всех живущих (ее жилище расположено на краю леса – границе, разделяющей мир живых и мир мертвых), Баба Яга нередко оказывает благодеяния попавшим в трудную ситуацию молодым людям.

При соблюдении героем (героиней) требуемых норм поведения или наличии у них родственных связей она не отказывает в помощи искателям счастья, снабжая их волшебными предметами, а также наставлениями относительно их дальнейших действий.

Кроме того, Баба Яга – персонаж, выполняющий функцию воспитательную: ест она только жадных, любопытных и болтливых: «Хорошо, что ты спрашиваешь только о том, что видела за двором, а не во дворе! Я не люблю, чтоб у меня сор из избы выносили, и слишком любопытных ем!» («Василиса Прекрасная»).

Сказка). Если проситель не является родственником, Баба Яга заставляет заработать искомое, не поощряя пустое дарительство:

«Но ты поживи наперед да поработай у меня, тогда и дам тебе огня, а коли нет, так я тебя съем!»).

Баба Яга справедлива: свое могущество она использует в наказание злодеям: сжигает мачеху за гонение на Василису, указывает Ивану-царевичу (и другим) путь к победе над Кощеем Бессмертным. Хранительница народных обычаев, она сама соблюдает обряды гостеприимства и требует уважения традиций от других.

Так, Баба Яга, не терпящая «русского духа» (читай: запаха живого человека) и не по обычаю встретившая странника: «Зачем ко мне пожаловал?», ничуть не обижается на «старую хрычовку», ибо странник на Руси был лицом уважаемым, только он мог рассказать о том, что происходит на белом свете, его следовало сначала «накормить, напоить, в бане выпарить», а потом уже расспрашивать.

Чудесный способ перемещения Бабы Яги по воздуху со «страшным шумом: деревья трещат, сухие листья хрустят», возможно, всего лишь олицетворение древнейших славянских представлений о природных стихиях:

Видело ли, солнышко, старую Ягу,

Бабу ли Ягу – ведьму-зиму?
Как она, лютая,
От весны ушла, от красной бежала,
В мешке стужу несла,
Холод на землю трясла?

(«Веснянка». Песня).

Но, учитывая эротическую символику ступы и предписанное некогда совершение брачного соития на Земле-матушке (на вспаханном поле), возможно совсем иное толкование.

С уверенностью можно сказать одно: ступа – постоянный атрибут Бабы Яги, символ женского лона – подчеркивает извечную связь двух начал: Жизни и Смерти, когда одно есть продолжение другого.

Привлекая своей сказочной «страпшостью» и неразгаданностью, поэтический образ Бабы Яги занял важное место в творчестве русских композиторов и художников. А.К. Лядовым написана симфоническая картина «Баба Яга», А.К. Даргомыжским – шутка-фантазия «Баба Яга, или С Волги *nachRiga*», И.Я. Билибин изображает ее на своих художественных полотнах, А.Л. Обер создает стилизованную скульптуру Бабы Яги в майолике. Декоративно-парковые постройки Абрамцева украшает знаменитая избушка Бабы Яги, созданная по архитектурному проекту В.М. Васнецова.

Из русской литературы

Три головы Горыныча дружно громко засмеялись. Баба Яга и дочь тоже подхихикнули.

– А плясать умеешь? – спросила умная голова.

– Умею, – ответил Иван. – Но не буду.

– Он, по-моему, и когтеджики умеет рубить, – встряла Баба Яга. – Я подняла эту тему...

– Тихо! – рявкнули все три головы Горыныча. – Мы никому больше слова не давали!

(В.М. Шукшин. До третьих петухов).

Баенник (см. Банник).

Банник (байник, баенник, байнушко, банниха, обдериха, лазьник) – злой дух бани, живет под полоком или за каменкой.

По поверьям, его можно увидеть в виде грязного голого старика, покрытого длинными волосами. Банниха (Обдериха) – страшная косматая женщина. Банник не любит, когда в бане моются после захода солнца, особенно ночью. Он накидывается на людей, сдирает с них кожу или душит.

Банник наделен могучей демонической силой. Он причастен к тайнам судеб. Во время святочных гаданий девушки ходили гадать в баню на зеркалах или, подняв юбки, выставляли на улицу обнаженную часть тела, в ожидании, какая рука прикоснется:

мохнатая – жених будет богатый, гладкая – бедный.

... Нам все старики говорили: «Ребятишки, если моетесь в бане, один другого не торопите, а то банник задавит. Вот такой, дескать, случай был.

Один мужик мылся, а второй:

– Ну, че ты там, скоро или нет?

Раза три спросил. А потом из бани-то голос:

– Нет, я еще его обдираю только!

Ну, он сразу это... побоялся, а потом открыл дверь-то; у того мужика, который мылся, одни ноги торчат!»

(Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири).

Бес (см. Черт).

Бессмертный Кощей (кащей) (см. Кощей Бессмертный).

Василий Буслаев – один из ярчайших былинных героев, воплотивший в себе черты широкой русской природы, удалы, молодечества. Это – сила, не знающая преград, образ бесстрашного молодца:

Не боюсь я тебя, Никола Зиновьевич,
Не боюсь я тебя, Фома Радионович,
Не боюсь я всего Новагорода...

Сын состоятельного и глубоко порядочного человека, который «жил до 90 лет, с Новым-городом не перечился, со мужики новгородскими поперек словечка не говаривал», Василий, с детства ни в чем не знавший нужды, избалованный удачей и благополучием, становится капризным и неуправляемым – полной противоположностью отцу (Буслаю).

После смерти мужа «все имение дворянское» достается вдове Амфеле Тимофеевне, которая, необычайно любя «свое чадо милое», «молодого сына Василия Буслаевича», дает ему прекрасное по тем временам образование: «Грамота ему в наук пошла, петье (обучение церковному пению) в наук пошло, не было такова певца во славном Нове-городе супротив Василья Буслаева».

Пресытившись беззаботной жизнью, Василий «поводился со пьяницы, с веселыми удалыми добрыми молодцами» и не нашел лучшего применения своим могучим силам, кроме как «напиваться» и бесчинствовать в родном городе:

Которова возьмет он за руку, —
И с плеча тому руку выдернет;
Которова хватит поперек хрепта, —
Тот кричит-ревет, окарачь ползет.

В ответ на жалобы жителей города и вызывающие к совести речи матери («журба Ваське невзлюбилася») Василий собирает дружину и, «прибив много до смерти», а то и просто «руки, ноги переломав», устанавливает в Новгороде свои порядки, обязав каждого хозяина платить дань: «всякой год по три тысячи», «с хлебников по хлебику, с калачников по калачику, с молодежи – повенешное, с девиц повалешное» (сбор с валька за мытье белья на плоту).

Василий абсолютно уверен в своей безнаказанности, «не верует ни в сон, ни в чох», особенно после серьезного столкновения с новгородцами: «А и мужики новгородские покорилися, и сами поклонилися». Но по прошествии некоторого времени совестно становится Василию Буслаевичу за совершенные им деяния:

«...смолоду бита, много граблена, под старость надо душа спасти». Он решает искупить свою вину, совершив паломничество в Ерусалим-град, на что, предчувствуя великую беду для себя:

«мое-та веть гулянье неохотное», просит великого благословения матери.

Получая от корабельщиков предупреждение о закрытом в Иерусалим «прямом пути», о трехтысячной разбойничьей заставе, где «грабят бусы-галеры, разбивают червлены корабли», Василий лишь усмешается. Он и сам горазд страх наводить: «полетка у него соколиная», «поступка молодецкая», и славу он стяжал себе немалую.

Былинный герой, верный своей удалой натуре, избирает прямой путь, причаливая по пути к Сорочинской горе, где на пути к вершине (по некоторым версиям – обучая свою боевую дружину) наталкивается на размытую могилу («пуста голова – человечья кость») своего предшественника, такого же, как и он, добра молодца. Но, пренебрегая христианскими нормами поведения (да и внушал ли ему кто эти нормы?), «пнул Василей тое голову з дороги прочь», совершив страшное кощунство, за которое должен неминуемо поплатиться: «А на той горе Сорочинския, где лежит пуста голова, пуста голова молодецкая, и лежать будет голове Васильевой! Плюнул Василий, прочь пошел».

Василий (как велят фольклорные традиции) получает троекратно предупреждения о грядущем возмездии за попрание христианских святынь (одно из них – за осквернение Иордань-реки). Но, поскольку «верует» он только в свой «червлёный вяз» и паломничество в святые земли не сопровождается искренним (!) раскаянием и молитвой, предупреждения не останавливают Василия и не влияют на его решения. Богатырь гибнет на обратном пути, оказавшись жертвой собственного бессмысленного каприза:

«...стал со дружиною тешиться и забавлятися, поперек камению поскакивати. Захотелось Василию вдоль скакать, разбежался, скочил по камению... И тут убился под камнем». Безответственность, бесшабашность погубили безудержного Василия, сына Буслаева.

Василиса (Елена) Прекрасная (Премудрая) – героиня русского фольклора, происхождение и положение которой высоки.

Само имя героини Василиса имеет греческое происхождение и означает «царская», «царственная», «принадлежащая царю».

В греческой мифологии Василия – дочь Зевса. Иногда Василиса (Елена) – купеческая дочь или внучка Морского (инога) царя:

«Приехала Василиса Прекрасная к морю и стала вызывать своего дедушку. Волны заколыхались, и поднялся из воды старый дед – борода у него золотая, на голове волосы

серебряные...» («Вещий сон». *Сказка*). В некоторых произведениях фольклора Василиса – родственница Бабы Яги (ее племянница), что обеспечивает ей могущественную поддержку.

Василиса хороша собой. Это стройная белолицая девушка с золотой или русой косой до пояса. В контексте народных сказок слова «премудрая» и «прекрасная» – синонимы: ничего не стоит красота без ума – слишком это хрупкая и ненадежная категория.

Доброта же, в совокупности со сметливостью и богатыми познаниями, делает привлекательным любого человека независимо от возраста и природных данных.

К характерным особенностям Василисы относятся ее природные умения: она рукодельница (умеет ткать, вышивать, шить, прясть, печь хлеба и пр.) и волшебница (знает язык зверей и птиц, обучена чародейству, владеет волшебными предметами и слугами).

У Василисы хороший, покладистый характер – она никогда не упрекает мужа (жениха) за обрушившиеся на них напасти и всегда находит то средство, которое выручит его из беды:

– О чем горько плачешь? – спрашивает его Василиса Премудрая.

– Как же мне не плакать? Приказал мне царь морской за одну ночь все скирды обмолотить, зерна не обронить...

– Это не беда, беда впереди будет! Ложись спать с Богом, утро вечера мудренее.

Царевич лег спать, а Василиса Премудрая вышла на крылечко и закричала громким голосом:

– Гей вы, муравьи ползучие! Сколько вас на белом свете ни есть – все ползите сюда и повыберите зерно из батюшкиных скирдов чисто-начисто.

Таким образом, Василиса являет образ идеальной русской женщины, она – высшая награда герою. Ради нее совершаются ратные подвиги. Из любви к ней герой (даже дурак) делает невозможное: пролезает сквозь лошадиное ухо, ныряет в кипящее молоко и в конце концов становится царем, достойным своей умной и красивой жены.

Ведьма – один из известнейших образов славянской демонологии, сочетающий в себе черты реальной женщины и злого духа. Слово «ведьма» образовано от древнерусского «ведать» – знать. Первоначально оно не имело зловещего смысла (ср. ведунья, знахарка). Внешний облик ведьмы весьма непривлекателен, как и Бабы Яги: это старая, растрепанная, зачастую с физическими недостатками (горбатая, хромая, с уродливым носом и т. д.) женщина. Ее магическая сила могла быть как наследственной, так и приобретенной – доставшейся от духа умирающей ведьмы, которая перед смертью сумела передать свои тайные знания.

Считалось, что ведьмой становится девочка, которую кормят грудью более двух лет, а также рожденная (как и ее мать) вне брака. С развитием христианства более распространенной стала другая версия: женщина становится ведьмой, вступая в сговор с дьяволом/со змеем. Ведьма двоедушна: одна душа у нее обычная, человеческая, другая, покидающая по ночам спящее тело, демоническая, недобрая.

Ведьма обладает фантастическими умениями. Вылетая по своим делам через печную трубу на кочерге (помеле, лопате, палке), она способна превратиться в иное живое существо – кошку, свинью, собаку, сороку, жабу или в неодушевленный предмет – колесо, решето, клубок ниток, стог сена и т. д. Ведьма может быть невидимой или принять облик молодой красивой девушки.

Ведьма отбирает молоко у коров и у свиней – сало, лишает кур возможности нести яйца, насылает порчу на скот и на людей, в результате чего они болеют и умирают. Могущество ведьм распространяется на природные стихии: в их власти ураганный ветер, пожары, наводнения. Постоянные их спутники – летучие мыши и черный кот.

Для общения друг с другом и прочими представителями нечистой силы ведьмы регулярно слетаются на шабаш, где они танцуют, пируют, обсуждают злокозненные планы. Местом их постоянных сборищ являются перекрестки дорог, «лысые» горы, т. е.

горы с вырубленной макушкой, и высокие деревья. Особенно опасными ведьмы считаются в период полнолуния и грозовые ночи, а также в праздничные дни, когда их вмешательство может повредить урожаю и благополучию всего общества. Считается, что ведьму можно увидеть пронсящейся в вихре наряду с другой нечистью.

Согласно народным поверьям, ведьмы умирают в страшных мучениях, если они лишены возможности передать кому-нибудь свою «науку», пусть даже посредством невинного предмета.

Отсюда выражение «некому будет стакан воды подать», которое помимо обиходного имеет и другое, зловещее значение: тот, кому это предрекают, нечист, связан злом, никто не захочет перенять его страшные знания.

Смерть не приносит ведьмам покоя: по ночам они навещают старые места, сводят не законченные при жизни счета, приходят в свой дом и т. д. Для предотвращения подобных «визитов» ведьму хоронят лицом вниз или пробивают ее гроб осиновым колом.

Романтический образ ведьмы поэтизируется в музыкальной и литературной классике: у замечательного русского композитора М.П. Мусоргского есть фантазия для оркестра «Ночь на Лысой горе», Н.В. Гоголь живописует этот образ во многих повестях.

Из русской поэзии

Там с полки скляночку взяла
И, сев на веник перед печкой,
Разделась донага; потом
Из склянки три раза хлебнула,
И вдруг на венике верхом
Взвилась в трубу – и улизнула.

(А. С. Пушкин. Гусар).

Владимир Красно Солнышко (см. Князь Владимир Красно Солнышко).

водяной (водяник, водовик, морской царь) – важнейший представитель славянской демонологии, воплощение воды как опасной стихии, злой и враждебный людям дух. Согласно народным поверьям, внешне он напоминает старика с опухшим лицом и вздувшимся животом, опутанного тинной, между пальцами рук и ног имеющего перепонки. Иногда его представляют с рогами на голове. Водяные живут в речных омутах, у мельниц, ночуют под мельничными колесами.

Из опасения, что водяные могут испортить колесо или разрушить запруду, мельники стараются с ними подружиться, принося в дар какое-либо животное черного цвета – свинью, петуха, козла, ибо символом водяного является черный цвет.

Как и прочая нечисть, водяные часто собираются на пирушки, играют в азартные игры, угощают друг друга и развлекают, катаются на коме (чертовом коне). Желая заманить странника в свои тенета, они умело подражают звукам, издаваемым человеком и домашними животными: свистят, ухают, стонут, хохочут, блеют, кричат и т. д. Есть поверье, что водяные способны превратиться в бревно или мертвеца, собаку или корову. В качестве оберега от козней водяного у плотины закапывают череп лошади.

В фольклоре встречаются описания подводных чертогов морского царя: все там сияет разноцветными камнями, жемчугами и золотом. Садко (см. Садко), сумевший своей игрой пленить Морского царя, выигрывает заклад и пополняет свои богатства.

Вольга Святославович (Вольга, Волх Всеславьевич) – один из популярнейших былинных персонажей. Уже в самом имени богатыря заложено чародейное значение: слово «волх» родственно словам «вълшьба», «вълшь», что означает колдовство, волшебство и восходит в своем древнейшем значении к культу языческого славянского божества Белеса (Волоса), слывшего чудесным врачевателем. Волх – волшебник, известность которого повсеместна (все его славят).

Сюжет о Волхе и его походе на Индию – наиболее архаичный в былинном эпосе, поэтому в текстах былин широко развернуты представления древних о чудесном слиянии природы и человека, о единстве всего живого, о всеобщей способности к перевоплощению.

Волх (Вольга) – племянник князя Владимира, пожаловавшего ему три города. В момент рождения Волха (Вольга) «на небе засветил светел месяц, задрожала Сыра Земля, затряслося славное царство Индийское», а синее море «всколыбалося». Через полтора часа после рождения он уже заговорил со своей матерью, Марфой Всеславьевной, потребовал пленить его не в пелены, а в «крепки латы булатные» и вложить ему в правую руку палицу свинцовую «весом в триста пуд».